

Перевод Марии Десятовой

Конни Уиллис

Не считая собаки,

или

Как мы в конце концов отыскивали епископский птичий пенек

...безобидной и полезной кошки...

Уильям Шекспир

Бог кроется в мелочах.

Гюстав Флобер

*Посвящается Роберту Хайнлайну,
чей «Будет скафандр – будут и путешествия» познакомил меня с «Троице в лодке, не считая
собаки» Джерома К. Джерома.*

Светлой памяти Лорены и Берти

*«Было бы здорово начать с чистого листа, без этих страшных старых развалин», – сказала
она. «Это же символ, дорогая», – возразил он.*

Молли Пантер-Даунс

Глава первая

*Поисковый отряд – Уставная экипировка – Семейственность как проблема – Королевские
головные уборы – Отсутствие епископского птичьего пенька – Барахолки – Где он может быть? –
Астрономические наблюдения – Собаки – Кошка – Лучший друг человека – Внезапное отбытие*

Нас было пятеро – Каррадерс, новичок и я, а еще Спивенс и причетник. Под вечер пятнадцатого ноября мы обыскивали развалины Ковентрийского собора в поисках епископского птичьего пенька.

Я, по крайней мере, обыскивал. Мистер Спивенс копался у лестницы на колокольню, новичок, разинув рот, глазел на выбитые взрывом витражи, а Каррадерс убеждал причетника, что мы из Вспомогательной пожарной службы.

– Вот это наш командир отряда, лейтенант Нед Генри, – показывал он на меня, – а я командер Каррадерс, постовой.

– Какой пост? – сощурился причетник.

– Тридцать шестой, – наобум назвал Каррадерс.

– А этот? – спросил причетник, показывая на новичка, который озадаченно вертел в руках карманный фонарик. Такого и в ополчение бы не взяли, куда там ВПС.

– Зять мой, – не растерялся Каррадерс. – Эгберт.

Причетник кивнул понимающе.

– Вот и меня жена уговаривала ее брата в пожарную охрану устроить. Этот олух по кухне пройдет – двадцать раз о кота споткнется, куда ему зажигалки тушить? А она мне, дескать, работа нужна. А я ей: на Гитлера пусть работает!

Я оставил их беседовать и двинулся вдоль остатков центрального нефа. Времени терять нельзя. Мы и так опоздали, в дыму и пыли ни зги не видно, словно в густых сумерках, хотя на часах только начало пятого.

Мистер Спивенс, не глядя по сторонам, настойчиво рылся в гряде обломков у лестницы; новичок, уставившись на него, бросил терзать фонарик. Я отделил мысленной чертой бывший северный неф и взял курс на дальний его конец.

Раньше епископский пенек помещался на кованой подставке перед оградой Кузнечной капеллы. Я пробирался между завалами, пытаюсь сориентироваться на ходу. От собора остались только наружные стены и красавица-колокольня с остроконечным шпилем; все прочее – крыша, сводчатый потолок, клересторий, колонны – превратилось в гору закопченного щебня.

«Так, – рассуждал я, балансируя на упавшем стропиле, – здесь была апсида, а там – капелла Мануфактурщиков». Утверждать наверняка я не мог, единственной приметой служили выбитые витражи, все каменные арки капелл рухнули, осталась лишь прорезанная стрельчатыми окнами внешняя стена.

«А здесь капелла Святого Лаврентия», – сообразил я, перебираясь на четвереньках через вал из щебня и обугленных балок, достигающий в этом месте метров полутора, и к тому же скользкий. Моросивший весь день дождь превратил пепел в грязную кашу, а свинцовые пластины кровли – в настоящий каток.

Капелла ременщиков. Тогда вот эта – Кузнечная. И никаких следов ограды. Прикинув приблизительно, на каком расстоянии она могла находиться от окна, я принялся копать.

Под месивом из каменных обломков и покореженной металлической арматуры епископского пенек не обнаружилось – ограды тоже. Судя по расщепленной доске генофлектория – подставки для коленопреклонения – и остаткам скамьи, я еще где-то в центральном нефе.

Выпрямившись, я попытался сориентироваться заново. Поразительно, как меняется ощущение пространства в разрушенном здании... Я опять опустился на колени лицом к хору и стал высматривать основания колонн северного нефа, чтобы по ним определить границы, но все они были безнадежно погребены под щебнем.

Надо найти остатки капелльной арки и от нее уже плясать. Оглянувшись на уцелевшую внешнюю стену Капеллы ременщиков, я отмерил примерное расстояние от окон и начал копать – на этот раз отыскивая цоколь поддерживающей арку колонны.

От него осталось всего сантиметров пятнадцать. Расчистив слегка вокруг, я повторно прикинул, где в таком случае находилась ограда, и приступил к раскопкам.

Мимо. Под иззубренным куском деревянного потолка обнаружилась огромная мраморная плита с трещиной посередине. Алтарь. Значит, теперь я, наоборот, зашел слишком далеко в глубь капеллы. Оглянувшись на новичка, который все еще наблюдал за Спивенсом, я отсчитал десять шагов и наметил новую точку для раскопок.

– Но мы действительно из ВПС, – донесся до меня голос Каррадерса.

– Точно? – сомневался причетник. – Что-то спецовки у вас больно странные, я таких у вэпээсников не помню.

И неудивительно. Наша «форма» годилась только для воздушных налетов, когда никто не будет приглядываться и уже по одному шлему понятно – человек при исполнении. Ну еще для глухой ночи. А днем дело плохо. На шлеме Каррадерса – эмблема инженерных войск, на моем – нанесенная по трафарету аббревиатура гражданской ПВО, а у новичка шлем вообще не с этой войны.

– Уставные уничтожило фугасом, – нашелся Каррадерс.

– Где же тогда вас, пожарных, носило ночью, когда все полыхало?

В точку. Именно этим вопросом меня наверняка огорошит леди Шрапнелл по возвращении. «Что значит, вы попали в пятнадцатое ноября? Это целый день опоздания!»

Вот поэтому я лазил теперь по дымящимся балкам, обжигался о расплавленный свинец, накапавший ночью с крыши, и дышал гарью, вместо того чтобы доложить об исполнении.

Баюкая обожженный палец, я отогнул кусок арматурины и занялся грудой кровельных пластин и обугленных балок. Тут же порезал об острый металлический край все тот же злосчастный палец и, чертыхнувшись, сунул его в рот.

Каррадерс и причетник по-прежнему топтались на месте.

– Первый раз слышу про тридцать шестой пост, – недоверчиво хмыкнул причетник. – Их в Ковентри всего семнадцать.

– Мы из Лондона. Спецотряд, выслали на подмогу.

– И как же вы проехали? – Причетник воинственно схватился за лопату. – Дороги перекрыты.

Кажется, пора вводить подкрепление.

– Мы в объезд, через Рэдфорд. – Причетник там как пить дать ни разу не был. – Водитель молочного грузовика добросил.

– Так там тоже кордоны вроде, – не выпуская лопату, с сомнением протянул причетник.

– У нас пропуска, – ввернул Каррадерс.

Зря. Сейчас попросит их предъявить.

– Нас послала ее величество, – пресек я дальнейшие расспросы.

Сработало. Причетник вытянулся во фронт, сорвав с себя каску и сделав лопатой на караул.

– Ее величество?

Я прижал свой шлем гражданской ПВО к сердцу.

– Сказала, что не сможет смотреть ковенрийцам в глаза, если не отправит подмогу. «Ах, этот красавец собор... – вздохнула она. – Немедленно выдвигайтесь в Ковентри и помогите чем сможете».

– Да, она такая. – Причетник благоговейно склонил лысую голову. – Она такая. «Красавец собор...». Очень на нее похоже.

Я многозначительно кивнул, подмигнул Каррадерсу и вернулся к своим раскопкам. Под пластинами крыши показались остатки обрушившейся арки, клубок проводов и треснувшая мемориальная доска с надписью: «Покойтесь с ми...». Пожелание, как видно, не сбылось.

Я расчистил примерно метровый пятячок вокруг колонны. Безрезультатно. Тогда я переполз через груды каменного крошева, выискивая другие обломки этой колонны, и снова приступил к делу.

Ко мне подошел Каррадерс.

– Причетник расспрашивает про королеву – как выглядела, во что одета. Я сказал, что она была в шляпе. Правильно же, да? Вечно забываю, кто из них носил шляпы.

– Все носили. Кроме Виктории. У той был кружевной чепец. И Камиллы. Но та совсем недолго на троне посидела. Скажи, что ее величество спасла из Букингемского дворца Библию королевы Виктории. Вынесла, когда бомбили, прижимая к груди, как младенца.

– Что, правда?

– Нет. Но тогда у него отпадет вопрос, почему на тебе саперный шлем, и, может, нахлынут воспоминания о том, что спасли ночью из собора.

Каррадерс выудил из кармана спецовки клочок бумаги.

– «Спасенные настоятелем Говардом и пожарными алтарные подсвечники и крест из Кузнечной капеллы были доставлены в полицейский участок. Кроме них из огня вынесли серебряный дискос с потиром, деревянное распятие, серебряную просфорницу, Послания апостолов, Евангелие и полковое знамя седьмого батальона Королевского Уорвикширского полка», – зачитал он.

Тот же перечень значился в рассказе настоятеля Говарда о воздушном налете.

– А епископский пенек не упоминается, – подхватил я, обводя взглядом груды щебня. – Значит, он где-то здесь.

– Пока не нашел?

– Нет. Может, кто-то нас опередил и откопал его раньше?

– Из наших некому, – покачал головой Каррадерс. – Дейвис и Питерс мимо года и то промахивались. Я сам пробился с четвертой попытки. В первый раз угодил в девятнадцатое. Второй – в середину декабря. На третий все тютелька в тютельку – месяц, день, десять минут до начала налета. Только не в Ковентри, а посреди сморчкового поля на полдороге к Бирмингему.

– Сморчкового? – переспросил я. Наверное, ослышался. Сморчки разве на полях выращивают?

– Кабачкового! – рявкнул Каррадерс. – Овощи такие. И ничего смешного. Фермерша приняла меня за немецкого парашютиста и заперла в амбаре. Чего мне стоило выбраться, словами не рассказать.

– А новичок?

– Он перебросился прямо передо мной. Мыкался туда-сюда по Уорвикской дороге, не зная, куда податься. Если бы не я, свалился бы во взрывную воронку.

Невелика потеря, если честно. Новичок отвлекся наконец от Спивенса и по второму разу принялся терзать фонарик.

– Мы сюда два часа добирались, – закончил Каррадерс. – А ты, Нед? У тебя сколько попыток ушло?

– Одна. Меня сняли с барачолок, когда вы начали промахиваться.

– Каких еще барачолок?

– Леди Шрапнелл посетила свежая мысль, что пенек могли продать на устроенной собором благотворительной ярмарке – сбор средств для фронта и все такое. Или отдать в металлолом. Так что мне полагалось планомерно обойти все церковные и районные барачолокы начиная с сентября. Ты, кстати, не знаешь, случаем, для чего нужны перочистки?

– Без понятия.

– Вот и я тоже. Семь штук уже купил. Два георгина, розу, котенка, ежа и два британских флага. Что-то ведь нужно покупать, а поскольку сеть ничего из трофеев обратно не пропустит, приходится незаметно подкладывать их на прилавок с галантереей. Перочистки хотя бы маленькие. Кроме розы. Эта была размером чуть не с футбольный мяч, бесчисленные слои ярко-розового фетра с бледной каймой. Ума не приложу, зачем они нужны – продавать на барахолках? Куда ни плюнь, везде они – и на ярмарке в пользу эвакуированных детей, и на продаже выпечки для Противогазного фонда гражданской ПВО, и на Дне благотворительности Святоаннинского...

– Нед, – осторожно поинтересовался Каррадерс, – сколько раз ты перебрасывался за эту неделю?

– Десять, – подсчитал я. – Нет, двенадцать. Ярмарка осеннего урожая в Троицкой церкви, благотворительный базар женских курсов под лозунгом «Все для победы!», благотворительное чаепитие со сбором средств на «спитфайеры». А, и еще епископские жены. Тринадцать. Нет, двенадцать. К миссис Биттнер я не переброшкой добирался.

– Миссис Биттнер? Жена последнего коventрийского епископа?

Я кивнул.

– Она еще жива. И по-прежнему обитает в Ковентри. Леди Шрапнелл отправила меня с ней побеседовать.

– И что она может знать про старый собор? Ее на момент пожара еще и на свете не было.

– Леди Шрапнелл кажется, что епископский пенек, если он не погиб в огне, могли засунуть куда-нибудь в кладовую в новом соборе. Поэтому они послала меня опрашивать епископских жен. Цитирую: «Мужчины понятия не имеют, где что лежит».

Каррадерс сочувственно покачал головой.

– И как, жены помогли?

– Они о нем даже не слышали, кроме миссис Биттнер. Но та сказала, что среди вещей, которые они паковали перед продажей нового собора, пенька не было.

– Так это же хорошо! – воодушевился Каррадерс. – Если он сейчас не найдется, значит, его просто не было тут во время налета, и можно передать леди Шрапнелл, что делать копию для церемонии освящения собора не нужно.

– Сам и передай, – не удержался я.

– Может, его вынесли заранее, чтобы не разбился? – предположил Каррадерс. – Как восточные окна.

– Это пенек-то? – переспросил я недоверчиво. – Шутишь?

– Да, ты прав. Такую вещь от фугасов спасти не будут. Викторианский шедевр! – Он содрогнулся.

– И потом, в настоятельском доме, куда отвезли восточные витражи, его нет. Специально туда ездил узнать у Люси Хэмптон.

– Хм. А не могли просто переставить где-нибудь здесь, в соборе?

Это мысль. Может, какая-нибудь из алтарниц, не в силах больше на него смотреть, задвинула пенек подальше в угол за колонну.

– Дался леди Шрапнелл этот пенек... Что она за ним гоняется? – поинтересовался Каррадерс.

– А за остальной ерундой она зачем гоняется? До этого она меня замучила надгробиями – нужно было списать все до единой надписи на всех могильных плитах и статуях собора, вплоть до безвозвратно утраченной могилы капитана Джервиса Скроупа.

– Органные трубы, – понимающе кивнул Каррадерс. – По всему Средневековью мотался их замерять.

– Вот. Поэтому на самом деле вопрос надо ставить так: зачем ей приспичило строить заново Ковентрийский собор.

– Ее пра-пра-пра-и-так-далее-бабка побывала в Ковентри и...

– Да-да, поездка изменила всю ее жизнь, а когда леди Шрапнелл наткнулась на дневник своей прародительницы, он изменил уже ее жизнь, и она решила восстановить собор точь-в-точь каким он был перед пожаром в честь своей пра-пра и так далее, и тому подобное. У меня эта история уже в печенках сидит. Как и присказка про то, что Бог...

– ...кроется в мелочах, – подхватил Каррадерс. – Слышать больше не могу.

– А у меня самое ненавистное – «заглянуть под каждый камень». Ну-ка, давай вместе. – Я показал на край большого каменного обломка.

Каррадерс, нагнувшись, схватился за противоположный край.

– Раз, два, взяли!

Мы столкнули каменюку через проход; прокатившись по инерции чуть дальше, она сбила остаток основания колонны.

Епископского пенька под сброшенным камнем не обнаружилось, зато показались кованая подставка и одна из крестовин капелльной ограды, а под комком красного песчаника – обугленный цветочный стебель. От какого именно цветка, неизвестно, потому что листьев не осталось, и вообще его можно было бы принять за палку или металлический прут, если бы не зеленый кончик длиной с полпальца.

– Он стоял перед оградой капеллы? – уточнил Каррадерс, хрустя осколками стекла под ногами.

– Да, где-то здесь. На этой подставке. – Я показал на кованый постамент. – Девятого ноября имел удовольствие убедиться лично. Молебен за ВВС и благотворительная продажа выпечки: две вязаные крючком салфетки, перочистка в виде анютиных глазок и полдюжины «каменных» печений. Очень меткое название, надо сказать.

Каррадерс окинул взглядом россыпь стекла на полу.

– А не могло его взрывной волной закинуть на другой конец неффа?

– Так в собор зажигалка попала, а не фугас.

– Эх. – Он заметил идущего к нам причетника. – Говоришь, Библия королевы Виктории?

– Именно. Со списком дат рождения, смерти и нервных срывов всяких там Георгов. Выясни у него, куда еще могли убрать ценности на хранение, кроме как к Люси Хэмптон.

Каррадерс, кивнув, двинулся к причетнику, а я остался разглядывать кованую подставку, размышляя, что теперь делать.

В собор действительно падали в основном зажигалки, но резон в словах Каррадерса имелся. Взрывная волна и не на такое способна, а взрывы поблизости были – и фугасы, и газопровод. Пенек могло унести хоть в центральный неф, хоть в хор.

Я разгреб щебень, пытаясь определить, куда вылетели стекла из Капеллы мануфактурщиков. Судя по всему, большей частью веером на юг и запад. Значит, надо искать ближе к дальнему торцу неффа.

Вернувшись к ограде, я принялся копать на юг и запад. Заглядывая под каждый камень.

Тут зазвонили колокола, и мы все, даже Мистер Спивенс, прервавшись, посмотрели на башню. Над клубами дыма и пыли в зияющей вместо крыши дыре возвышалась нетронутая колокольня. Колокола вызванивали чисто и певуче, словно царящий вокруг хаос им был нипочем.

– Смотри, звезда! – воскликнул Каррадерс.

– Где?

– Там!

Я ничего не видел, кроме дыма. О чем и сообщил.

– Вон там. Над шпилем. Над бледной пеленой, над черным пепелищем. Недостигаемая для людской вражды, вестница надежды, мира и светлого будущего. Сияющий символ возрождения, о котором она сама еще не ведает.

– Не ведает? – Я насторожился. – Вестница надежды и мира?

Один из первых признаков перебросочной болезни – восторженная сентиментальность, как у ирландца во хмелю или у трезвого, словно стеклышко, викторианского поэта. Каррадерс за прошедшие сутки совершил как минимум четыре переброски, причем две из них с интервалом в пару часов. А уж сколько он скакал туда-сюда во времени, пока замерял органные трубы, бог весть. И без перерывов на сон, сам говорил.

Я наморщил лоб, вспоминая остальные симптомы. Излишняя сентиментальность, проблемы со слухом, усталость, – однако колокола он услышал, а от недосыпа страдают все участники восстановительного проекта леди Шрапнелл. Мне за эту неделю удалось вздремнуть только на благотворительном базаре в помощь фронту в Криспинов день. Отрубился на «Приветствую всех...» и проспал половину оглашения списка участников организационного комитета.

Что там еще в симптомах? Проблемы с сосредоточением. Задумчивость в ответах. Нечеткость зрения.

– Как выглядит эта звезда? – спросил я.

– В каком смысле? – без раздумий откликнулся Каррадерс. – Звезда как звезда.

Колокола умолкли, но эхо еще плыло в дымном небе.

– Как, по-твоему, должна выглядеть звезда? – буркнул он сердито и потопал навстречу причетнику.

Раздражительность – бесспорный симптом. В инструкции по технике безопасности четко сказано, что пострадавшего от перебросочной болезни нужно незамедлительно вернуть в свое время и отстранить от задания, – но тогда мне придется объяснять леди Шрапнелл, почему это мы вдруг в Оксфорде, если должны быть в Ковентри.

Потому я и ковыряюсь тут в щелке – чтобы не оправдываться, каким образом вместо восьми вечера четырнадцатого ноября я очутился перед собором лишь пятнадцатого. Рассказывать про временные сдвиги бесполезно, леди Шрапнелл до них нет дела. Как и до перебросочной болезни.

Нет уж, раз Каррадерс еще в состоянии связать два слова, лучше оставаться тут, найти пенек, вернуться, сообщить леди Шрапнелл, что да, он был в соборе во время налета, и наконец выспаться. Благословенный сон, латающий прорехи на фальшивых спецовках ВПС, стирающий мягким крылом сажу со лба, утоляющий печаль, укрывающий истерзанную душу теплым одеялом...

Подошел Каррадерс, вполне бодрый и сосредоточенный. Хорошо.

– Нед! Зову тебя, зову... Не слышишь что ли?

– Прости. Задумался.

– Явно. Пять минут дозваться не могу. Дуки тоже там, с ней?

Опять я, похоже, ослышался, или дела у Каррадерса хуже, чем кажется.

– Дуки? – осторожно переспросил я.

– Ну да, Дуки! Дуки тоже с ней?

Нет, только не это. Теперь его надо переправить в Оксфорд, не вызывая подозрений у причетника, доставить в лечебницу, потом как-то вернуться сюда, чтобы продолжить поиски, и не угодить при этом на кабачковое поле где-нибудь под Ливерпулем.

– Нед, ты меня слышишь? – обеспокоился Каррадерс. – Дуки с ней?

– С кем? С леди Шрапнелл?

Надо еще как-то уговорить его сняться с задания. Жертвы перебросочной болезни никогда не замечают у себя симптомов.

– Да нет же! – начал закипать Каррадерс. – Ее величество. Королева. Которая отправляла нас сюда. Ну, помнишь: «Ах, этот красавец собор!» – Он показал на приближающегося причетника. – Спрашивает, с ней ли Дуки, а я понятия не имею, кто это.

Я тоже. Дуки... Домашнее прозвище короля? Может, ее незадачливый деверь? Нет, Эдвард к 1940 году уже отрекся, и королева его вообще никак не называла.

«Собака!» – сообразил я. Но что толку? В поздние годы, в бытность королевой-матерью, ее величество держала вельш-корги, а во Вторую мировую? Йоркшира? Карликового спаниеля? И какого пола? А если Дуки – это ее камеристка? Или кто-нибудь из принцесс в домашнем обиходе?

– Вы интересовались насчет Дуки, – повернулся я к подошедшему причетнику. – Увы, Дуки с ее величеством не было. Эвакуировали в Виндзор на время военных действий. Боятся бомб, сами понимаете.

– Да, на некоторых очень действует, – подтвердил причетник, оглядываясь на Мистера Спивенса и новичка. – Нервы слабые.

Новичок наконец разобрался с фонариком и теперь водил лучом по закопченным стенам пресвитерия и перед Мистером Спивенсом, который, кажется, собрался прокопать тоннель в щелке у лестницы.

– Затемнение? – шепнул я Каррадерсу.

– Твою мать! – чертыхнулся он и с криком «Погаси живо!» стал карабкаться к новичку.

– На позапрошлой неделе лезу я на крышу и что вижу? – начал причетник, поглядывая на пресвитерий, где Каррадерс уже выключал отобранный у новичка фонарик. – Мой зятек, как будто так и надо, чиркает спичкой. Я ему: «Ты что же это творишь?!» А он: «Сигарету зажигаю». – «Ну так давай сразу сигнальную вспышку зажги, чтобы люфтваффе наверняка не промахнулось». – «Да всего одна спичка, какой от нее вред-то?»

Причетник окинул мрачным взглядом свидетельство того, что люфтваффе не дремлет, и я заподозрил было, что сейчас он обвинит в случившемся своего недотепу-зятя. Но нет.

– Бедный настоятель Говард, – покачал головой причетник. – Страшная потеря для него. Он даже домой не хотел идти, сидел тут всю ночь.

– Всю ночь?

– От мародеров охранял, я полагаю. – Причетник печально оглядел горы обломков. – Хотя тут и красть-то уже нечего. Но если что осталось, неохота, чтобы приделали ноги.

– Да, это точно.

– Видели бы вы, как он ходил туда-сюда по этим камням, взад-вперед. Я ему говорю: «Идите домой, поспите. Мы с Мистером Спивенсом подежуриим».

– Значит, после пожара здесь все время кто-то оставался? – уточнил я.

– Да, почти. Я разве что перекусить домой сходил. А утром дождь зарядил, и я отправил зятя за плащом и зонтом, но он так и не принес, пришлось идти самому. Темнеет уже. – Причетник с тревогой взгляделся в небо на востоке. – Фрицы скоро вернуться.

Вообще-то нет. Сегодня люфтваффе бросит все силы на Лондон. Однако действительно темнеет. Пресвитерий, где Каррадерс орал на новичка, нарушающего затемнение, тонул во мраке, зияющий провал восточного окна затягивала расчерченная прожекторами иссиня-черная пелена гари.

– Постараемся хоть что-то успеть до ночи, – сказал я и, вернувшись к последнему месту раскопок, стал высчитывать, куда могло забросить пенек взрывом. Если его не умыкнули мародеры. Причетник отлучался на обед по крайней мере на час, за это время через выбитую южную дверь мог войти кто угодно и забрать что под руку подвернется. Включая епископский пенек.

Нет, у меня явное помутнение рассудка с недосыпа. На него и глубоко контуженный не позарится. И на благотворительном базаре никто не купит. Это же епископский пенек! Его даже в металлолом на нужды фронта не примут. Разве что какой-нибудь гений разглядит в нем готовое психологическое оружие против фашистов.

Значит, он где-то здесь, вместе с остатками капелльной ограды и куском мемориальной доски, и мне лучше поторопиться, если я надеюсь завершить поиски до темноты. Подобрал подушку для коленапоклонения, все еще дымящуюся и воняющую горелым пером, я встал на нее коленями и принялся копать к дальнему концу неффа.

Нашел генофлкторий, бронзовый подсвечник и обугленный сборник гимнов, открытый на «От тварей всех земных молитву вознесем». Между страницами и задней обложкой торчал клочок бумаги.

Я осторожно вытянул его за угол. Сложенное пополам чинопоследование воскресной службы от десятого ноября. Обгоревшие края осыпались под моими пальцами, когда я его развернул.

Вот сейчас пригодился бы фонарик новичка. Я прищурился, с трудом разбирая в сумерках написанное: «...и красные гвоздики на алтаре в память о лейтенанте Дэвиде Хальберстеме, ВВС. Композиция из розовых бегоний у амвона и букет из желтых хризантем в епископском пенёчке составлены и пожертвованы цветочным комитетом алтарниц, председатель Ло...»

Имя председательницы уничтожил огонь, тем не менее, у нас есть доказательство, что пять дней назад пенек был в соборе. Так где же он теперь?

Я продолжил разгребать. Стало еще темнее, а предательница луна, которая вчера сыграла на руку люфтваффе, едва показавшись, тут же скрылась за пыльно-дымовой завесой.

Эта часть собора, по-видимому, обрушилась разом, поэтому куски, которые можно было сдвинуть и перевернуть в одиночку, очень быстро кончились. Я оглянулся на Каррадерса, но тот вдохновенно плел причетнику что-то о королевских особах и вроде вытягивал что-то взамен. Я не стал его отвлекать и окликнул новичка.

Тот, присев на корточки рядом с Мистером Спивенсом, смотрел, как углубляется тоннель.

– Эй, идите сюда! Поможете мне! – махнул я ему.

Ни тот, ни другой даже не обернулись. Мистер Спивенс почти целиком исчез в тоннеле, а новичок снова щелкал фонариком.

– Эй! Сюда!

И тут все случилось одновременно. Мистер Спивенс вывинтился из тоннеля, новичок, попятившись, споткнулся и упал на спину, фонарик, включившись, проехался лучом по небу не хуже прожектора, а из тоннеля выскочил темный вытянутый силуэт и метнулся на гору щебня. Кошка. Мистер Спивенс с диким лаем кинулся за ней.

Я подошел к новичку, который ошалело смотрел им вслед, выключил фонарик и помог встать.

– Пойдемте, я эти балки один не подниму.

– Вы видели кошку? – спросил он, оглядываясь на лестницу пресвитерия, под которой та исчезла. – Это ведь кошка была? Я думал, они крупнее. Размером с волка. И такие шустрые! Они все были такие черные?

– Те, что шмыгали по сгоревшим соборам, наверняка все.

– Настоящая кошка! – не унимался новичок, отряхивая свою фальшивую спецовку. – Невероятно, встретить животное, которое уже сорок лет как вымерло! Никогда прежде не видел...

– Беритесь за тот конец, – скомандовал я, указывая на каменный желоб.

– Потрясающе! Очутиться здесь, где все начиналось...

– Или закончилось, – буркнул я. – Нет, не за этот, за верхний.

Он поднял свой край, выпрямив колени и слегка пошатываясь под тяжестью.

– Обалдеть! Леди Шрапнелл правильно говорила, что работа над Ковентрийским собором – это незабываемое впечатление. Видеть руины и знать, что собор не погиб, что в эти самые минуты он восстает из пепла, возрождаясь к былой славе...

Похоже на перебросочную болезнь, но не факт. У леди Шрапнелл все новобранцы такие.

– Сколько раз перебрасывались? – поинтересовался я.

– Сейчас первый. – Глаза у него горели. – И все еще не верится. Вот мы здесь, в 1940 году, ищем епископский птичий пенек, утраченное сокровище, шедевр ушедшей эпохи...

– Вы, я так понимаю, пенек еще не видели?

– Не видел. Но он наверняка шедеврален. Ведь он перевернул всю жизнь пра-пра-прабабушки леди Шрапнелл.

– Да-да. А заодно и по нашим проехался.

– Эй! – позвал Каррадерс, стоявший на коленях в Капелле мануфактурщиков. – Тут что-то есть.

Он копал не по ходу взрывной волны, и сперва я вообще ничего не увидел, кроме беспорядочной груды обугленных бревен, но Каррадерс показывал куда-то в центр этого нагромождения.

– Вижу! – подал голос причетник. – Похоже на металл.

– Посвети фонариком, – велел Каррадерс новичку.

Тот, уже позабывший, как включать, повозился немного, а потом направил луч прямо Каррадерсу в лицо.

– Да не на меня! Туда!

Выхватив фонарик, он осветил на груды бревен, и в луче что-то блеснуло. У меня екнуло сердце.

– Разбираем бревна, – скомандовал я, и мы стали растаскивать груды.

– Все, вон оно, – сказал причетник, и Каррадерс с новичком выволокли находку из-под щебня.

Она была черной от копоти, вся покореженная, перекрученная, но я уже понял, что это. И причетник тоже.

– Ведро для песка... – пробормотал он и разрыдался.

Нет, у причетника перебросочной болезни точно взяться неоткуда, если только она вдруг не стала заразной. Однако симптомы налицо.

– Еще ночью оно было целым, – всхлипывал он в грязный от сажи платок. – А теперь?

– Мы его отчистим. – Каррадерс неловко погладил причетника по плечу. – Будет как новенькое!

Это вряд ли.

– Ручку оторвало начисто. – Причетник хлюпнул носом и громко высморкался. – Я сам наполнял его песком. Сам вешал у южного входа.

Южный вход находился в противоположном конце собора, от Капеллы мануфактурщиков его отделял целый неф с рядами массивных дубовых скамей.

– Мы найдем ручку, – пообещал Каррадерс (тоже, по-моему, опрометчиво), и они, преклонив колени, будто в молитве, принялись рыться в горелых досках.

Оставив их и новичка, который напряженно что-то высматривал под лестницей (видимо, кошек), я вернулся туда, где крыша обрушилась одним куском.

Застыв посреди центрального нефа, я мучительно соображал, где же теперь искать. Ведро пролетело на взрывной волне почти через ведь собор, окно Кузнечной капеллы взрыв вынес в противоположном направлении. А значит, епископский пенек может оказаться где угодно.

Ощутимо стемнело. По небу скользили лучи зенитных прожекторов, на севере полыхало зарево, не укрощенное еще пожарными постами с первого по семнадцатый, однако света оно не давало, да и луна куда-то скрылась.

Мы тут много не нароем, а на выходе из сети будет ждать леди Шрапнелл с вопросом, где нас носило и почему не найден епископский пенек. Придется нырять обратно или, что еще хуже, снова перебирать на барахолках кошмарные перочистки, полотенца и прихватки и ломать зубы о «каменное» печенье.

Может, остаться здесь? Запишусь добровольцем в армию, пусть пошлют в тихое спокойное место – в Нормандию, например. Хотя нет, высадка союзных войск будет только в 1944 году. Тогда в Северную Африку. Эль-Аламейн.

Я отодвинул обугленный конец скамьи и перевернул лежавший под ней камень. Под ним открылись плиты пола, песчаник Капеллы красильщиков. Я уселся на обломок перекрытия.

Подбежавший Мистер Спивенс поскреб лапами плиту.

– Не старайся, малыш, – вздохнул я. – Его здесь нет.

Перед глазами поплыли бесконечные ряды перочисток – вот мой удел отныне. Мистер Спивенс, усевшись у моих ног, посмотрел сочувственно.

– Ты бы помог, будь это в твоих силах, да, дружище? Не зря собаку зовут лучшим другом человека. Верные и преданные, вы делите с нами горе и радость, учите нас истинной дружбе, которой мы, право слово, не заслуживаем. Вы соединили свою судьбу с нашей, вы всегда рядом, на поле брани и у домашнего очага, вы не покинете хозяина, даже если кругом царят хаос и разруха. О благородный пес, в тебе, как в зеркале, отражаются лучшие наши черты, черты идеального человека, не оскверненного войнами и тщеславием, не развращенного...

Тут меня выдернули обратно в Оксфорд и уложили в лечебницу, не дав даже потрепать пса за ухом.

«Если бы кое-кто не совался в чужие дела, – хрипло проворчала Герцогиня, – земля бы вертелась быстрее!»

Льюис Кэрролл

Глава вторая

Испанская инквизиция – Оксфорд, город дремлющих шпилей – Побег – Завязка – Вызволнение – Развязка – Мертоновский стадион – Подслушивание – Разница между литературой и действительностью – Какая-то из нимф – Важная улика – Клептомания леди Уиндермир – Гениальное решение

– Ваш напарник утверждает, что у вас запущенный случай перебросочной болезни, мистер Генри, – заявила медсестра, застегивая на моем запястье тахобраслет.

– Да, положим, меня немного занесло с панегириком собакам, но мне срочно нужно обратно в Ковентри.

Мало того, что я угодил на пятнадцать часов позже требуемого, теперь я еще покинул собор в разгаре поисков, то есть, можно сказать, не вел их вообще, и даже если я вернусь примерно в тот момент, когда меня выдернули, все равно будет упущено время, за которое причетник по наводке кошки может найти пенек и отдать на хранение своему зятю, и тогда он попросту канет в Лету.

– Мне жизненно необходимо вернуться на развалины. Епископский пенек...

– Зацикленность на несущественном, – произнесла медсестра в наладонник. – Внешний вид: растрепанный и весь в грязи.

– Я работал в сгоревшем соборе. И мне нужно обратно.

Мне в рот сунули таблетку для измерения температуры, а на запястье прицепили датчик.

– Сколько перебросок вы совершили за последние две недели?

Я попытался вспомнить допустимую норму, глядя, как сестра вбивает показания в наладонник. Восемь? Пять?

– Четыре, – сказал я. – Вам надо было хватать Каррадерса. Он еще чумазее меня, и вообще, вы бы слышали, как он вещал о звездах – вестниках надежды.

– Какие из симптомов вы испытываете? Дезориентация?

– Нет.

– Вялость, головокружение?

С этим сложнее. Недосыпом у леди Шрапнелл страдают все до единого, но вряд ли сестру это убедит. И потом недосып проявляется не головокружением, а скорее, зомбической заторможенностью, как у тех, кто ночь за ночью дежурил под бомбами во время блица.

– Нет, – высказался я наконец.

– Задумчивость при ответах, – проговорила она в наладонник. – Когда вы последний раз спали?

– В 1940-м, – выпалил я. Тоже плохо. Поспешность при ответах.

Она пробежалась пальцами по кнопкам.

– Трудности со слухом наблюдаются?

– Нет, – улыбнулся я.

Обычно медсестер в лечебницу набирают будто прямоком из испанской инквизиции, но у этой вполне добродушное лицо. Не инквизитор, а скорее, помощник палача, который пристегивает тебя к дыбе или учтиво придерживает дверцу «железной девы».

– Нечеткость зрения?

– Нет, – заверил я, стараясь не шуриться.

– Сколько пальцев я показываю?

Пусть влепит мне заторможенность при ответах, этот вопрос надо обдумать всесторонне. Вероятнее всего, пальцев два, так легче перепутать с одним и тремя, но ведь она может показывать и пять, а тогда надо отвечать «нисколько», ведь пятерня – это уже ладонь, если по науке. А может, она вообще держит руку за спиной?

– Пять, – решил я наконец.

– Всего четыре переброски, говорите?

Насколько я промахнулся с ответом, неизвестно, но явно промахнулся. Я уже хотел было попросить ее повторить вопрос, однако передумал, а то еще впишет тугоухость. Лучшая защита – нападение, решил я.

– Вы, кажется, не улавливаете, насколько все серьезно. Освящение собора через семнадцать дней, а леди Шрапнелл...

Сестра вручила мне жесткую карточку и продолжила вводить разоблачительные показания в наладонник. Я посмотрел на карточку, надеясь, что это не для дальнейшей проверки нарушений зрения. Потому что она была совершенно пустой.

– Епископский пенек необходимо...

Сестра перевернула карточку.

– Что вы здесь видите?

Почтовая открытка с изображением Оксфорда. Вид с Хедингтонского холма, любезные сердцу старинные дремлющие шпили и одетые мхом стены, тихие дворы колледжей под сенью вязов, колыбель старинных академических традиций и древних знаний...

– Все, достаточно. – Медсестра выхватила у меня открытку. – У вас запущенный случай перебросочной болезни, мистер Генри. Две недели постельного режима. И никаких путешествий во времени.

– Две недели?! Но ведь до освящения семнадцать дней!

– Освящение уже не ваша забота. Вам сейчас главное – отдохнуть как следует.

– Вы не понимаете...

Она скрестила руки на груди.

– Совершенно не понимаю. Ваша ответственность, конечно, достойна восхищения, но почему вы так рветесь рисковать собственным здоровьем ради архаического символа религиозных пережитков, у меня в голове не укладывается.

«Я не рвусь, – возразил я мысленно. – Это леди Шрапнелл рвется. А на леди Шрапнелл нет управы». Перед ней уже отступили Англиканская церковь, Оксфордский университет, строительная компания числом четыре тысячи человек, ежедневно уверявших, что за полгода собор не построить, и прочие органы – от парламента до коventрийского муниципалитета, возражавшие против восстановления «архаического символа». Куда уж мне-то?

– Вы знаете, сколько пользы принесли бы эти пятьдесят миллиардов фунтов медицине? – продолжала медсестра, печатая что-то в наладоннике. – Найти лекарство от Эболы II, привить детей по всему миру от ВИЧ, закупить приличное оборудование. Да там на одни витражи можно для Рэдклиффской больницы новый корпус построить, оснащенный по последнему слову техники.

Наладонник выплюнул бумажную ленту.

– Это не ответственность, это...

– Это преступная халатность, мистер Генри. – Она оторвала ленту и вручила мне. – Вот назначение, выполняйте в точности.

Я понуро взглянул на выписку. «Четырнадцать дней строгого постельного режима», – значилось на первой строке.

Строгий постельный режим мне в Оксфорде не обеспечить никак – да и во всей Англии, пожалуй, не обеспечить. Едва леди Шрапнелл пронюхает, что я здесь, строгий режим сразу станет покладистым и уступчивым. Уже вижу, как она врывается в комнату, сдергивает с меня одеяло и тащит за ухо к сети.

– Вам необходимо употреблять побольше белка и выпивать по крайней мере восемь стаканов жидкости в день. Никакого кофеина, спиртного и энергетиков.

– А нельзя поддержать меня в лечебнице? – с надеждой спросил я, осененный свежей мыслью. Если кто-нибудь и способен не пустить леди Шрапнелл, то только эти инквизиторши, палатные сестры. – В изоляторе, например?

– В изоляторе? Нет, конечно. Перебросочная болезнь, мистер Генри, на самом деле ведь никакая не болезнь. Это нарушение биохимического баланса, вызванное сбоем внутренних часов и неполадками в среднем ухе. Медикаментозного лечения вам не требуется. Главное – обойтись без скачков во времени.

– Но как я смогу спать?..

Наладонник запищал. Я подскочил от неожиданности.

– Повышенная нервозность, – кивнув, допечатала сестра. – Сейчас протестируем вас немного. Переоденьтесь пока. – Она вынула из ящика бумажный халат и плюхнула сверток мне на колени. – Я скоро вернусь. Завязывается на спине. И умойтесь, вы весь в саже.

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Я слез с кушетки, оставив на ней продолговатое пятно сажи, и прокрался к выходу.

– Острейший приступ перебросочной болезни, – донесся из коридора голос сестры. Надеюсь, она не с леди Шрапнелл там беседует. – Ему сейчас только стихи барышням в альбомы сочинять.

Нет, это не леди Шрапнелл. Потому что иначе я уже услышал бы ответную реплику.

– Плюс повышенная беспричинная тревожность, а это уже нетипичный симптом. Попробую просканировать на источник тревожности.

Я бы ей и без сканирования объяснил, откуда взялась тревожность, отнюдь не беспричинная, кстати, только разве она послушает... Но до леди Шрапнелл медсестре, хоть она и зверь, все равно далеко.

Здесь оставаться нельзя. На сканировании тебя засовывают на полтора часа в закрытую капсулу и общаются через микрофон. Я уже слышу, как в наушниках громыхает голос леди Шрапнелл: «Вот вы где! Немедленно вылезайте!»

И здесь нельзя, и в общежитие лучше не соваться. Там она будет искать в первую очередь. Может, забиться в укромный уголок где-нибудь в лечебнице и слегка выспаться, чтобы в голове прояснилось? А дальше решу, что делать.

Тут меня осенило. Мистер Дануорти. Если кто и способен найти мне укромное и нетривиальное убежище, то только он. Я уложил слегка испачканный сажей бумажный халат обратно в ящик, натянул ботинки и выбрался через окно.

От лечебницы до Баллиола можно пройти напрямик по Вудсток-роуд, но я не стал рисковать. Сделав крюк через въезд для «скорых», я прошел по Аделаиде, а потом через двор на Уолтон-стрит. Если Сомервиль открыт, срежу через него до Литтл-Кларендон-стрит, а потом по Вустер на Брод и зайду в Баллиол через задние ворота.

Сомервиль был открыт, однако переход занял куда дольше, чем я предполагал, а кованая баллиольская калитка почему-то оказалась непохожей сама на себя. Все шиворот-навыворот, вместо завитков какие-то пики, запятые, геральдические лилии, цепляющие за спецовку.

Сперва я решил, что калитку покорежило бомбой, но нет, это вряд ли. Люфтваффе сегодня бомбит Лондон. А калитка, вместе со всеми своими пиками и запятыми, покрашена в ярко-зеленый.

Я полез между прутьями и зацепился погоним фальшивой пожарной робы за какой-то из завитков. Подергался в надежде высвободиться – и только еще хуже застрял, трепыхаясь, словно рыба на крючке.

– Давайте помогу, сэр, – раздался над ухом вежливый голос.

Обернувшись, насколько мог, я увидел секретаря мистера Дануорти.

– Финч! Слава богу! Я как раз к вам шел.

Он отцепил погон и взял меня за рукав.

– Сюда, сэр. Нет, туда не надо, вот сюда, вот так. Нет-нет, обогните здесь.

Его стараниями я наконец очутился на свободе. Но, увы, снаружи от калитки.

– Плохи дела, Финч. Нам все равно придется пролезать внутрь, в Баллиол.

– Это Мертон, сэр. Вы на их стадионе.

Я обернулся и посмотрел, куда он показывает. Да, Финч прав. Вот футбольное поле, а за ним крикетная площадка, а еще дальше, на лугу Крайст-Черча виднеется шпиль Ковентрийского собора в лесах и синем строительном полиэтилене.

– Откуда же здесь баллиольская калитка?

– Это мертоновская пешеходная.

Я прищурился. Точно. За кованой решеткой оказался турникет, преграждающий проезд велосипедам.

– Сестра говорила, что у вас перебросочная болезнь, но я и не подозревал... Нет-нет, нам сюда.

Финч поймал меня за локоть и повел по дорожке.

– Сестра?

– Мистер Дануорти послал меня за вами в лечебницу, но вы уже ушли, – пояснил он, выводя меня между домами на Хай-стрит. – Зачем-то вы ему понадобились, хотя я слабо представляю, какой от вас прок в таком состоянии.

– Я ему понадобился? А как он узнал, что я в лечебнице?

– Леди Шрапнелл позвонила.

Я кинулся в укрытие.

– Все в порядке, – успокоил Финч, ныряя следом за мной под козырек магазина. – Мистер Дануорти сказал, что вас отвезли в лондонскую Ройял-Фри. Ей дотуда часа полтора минимум. – Он силой вытащил меня из-под козырька и перевел через Хай. – Хотя для пущей надежности надо было бы назвать Манхеттен-Дженерал. Как вы ее выдерживаете?

«Не теряя бдительности ни на секунду», – ответил я мысленно, следуя за Финчем по тротуару вдоль церкви Святой Марии и держась почти вплотную к стене.

– Заведенный порядок не для нее, – продолжал Финч. – Бланки она не заполняет, инстанции игнорирует; просто налетает, как саранча, и хватает что под руку подвернется – скрепки, ручки, наладонники...

«И историков», – добавил я мысленно.

– Я уже не знаю, какую канцелярию заказывать, тем более, что и заказывать-то некогда. Все силы уходят на то, чтобы не подпускать ее к мистеру Дануорти. Насядет, вопьется и давай душу вытягивать расспросами. Перекрытия, мемориальные доски, лекционные... На прошлой неделе прицепилась к отколотому углу надгробия Уэйда. Как он откололся, да когда он откололся, до налета или во время, какие там края, гладкие или острые... Говорит, все должно быть доподлинно. Потому что Бог...

– ...кроется в мелочах, – кивнул я.

– Она и меня сманивала, – закончил Финч. – Хотела командировать во времена блица искать епископский конек.

– Пенек, – поправил я.

– Я так и сказал. – Финч посмотрел на меня пристально. – У вас определенно затруднения со слухом. Медсестра предупреждала. И дезориентация. Нет, толку от вас не будет, – покачал он головой.

– Зачем я понадобился мистеру Дануорти?

– Случилось ЧП.

Под ЧП в ВПС понимали, среди прочего, взрыв фугасной бомбы, когда рушились до основания дома, хороня под собой людей, и полыхало зарево на полнеба. Но вряд ли Финч имеет в виду такое ЧП. Или меня по-прежнему слух подводит?

– ЧП?

– Скорее, катастрофа. Отличилась тут одна сотрудница. Деятнадцатый век. Сцапала блошку.

Да, точно проблемы со слухом, хотя блошки в викторианскую эпоху еще водились. Но зачем цапать блошку? Она сама кого хочешь цапнет – если не хуже.

– Как вы сказали? – осторожно переспросил я.

– «Пришли», говорю.

Действительно, пришли. Вот и баллиольские ворота, только не боковые, а главные, с привратницей, а за ними передний двор.

Я уже собирался подняться к мистеру Дануорти, но, видимо, дала себя знать дезориентация, потому что Финч снова ухватил меня за руку и повел через двор к Бирдовскому корпусу.

– Мистеру Дануорти пришлось оборудовать кабинет в профессорской столовой. Закрытые двери для нашей леди не преграда, и стучаться она не умеет, поэтому мистер Дануорти вынужден исхитряться с ближним и дальним кабинетами, хотя я лично считаю, что ров был бы надежнее.

Он открыл дверь в бывшую кладовую, которая теперь напоминала приемную врача – ряд мягких стульев у стены и стопка журналов на тумбе. Вторую дверь наполовину перегораживал стол Финча, – чтобы секретарь мог в любую минуту закрыть собой амбразуру.

– Я посмотрю, свободен ли он. – Финч принялся оглядывать стол.

– Ни в коем случае! – прогремел из-за двери голос мистера Дануорти. – Это исключено!

О боже, она там! Я вжался в стену, лихорадочно оглядываясь в поисках укрытия.

Финч поймал меня за рукав, шипя: «Это не она!», но я уже и сам сообразил.

– Почему же нельзя?.. – ответил женский голос, точно не леди Шрапнелл, потому что я бы назвал его, скорее, мягким, чем громopodobным, и потому что не расслышал окончания фразы.

– Кто это? – прошептал я, слегка успокаиваясь в цепких пальцах Финча.

– Катастрофа, – ответил он.

– Как вам вообще пришло в голову что-то выносить через сеть? – бушевал Дануорти. – Вы же изучали темпоралистику!

Финч поежился.

– Доложить о вас мистери Дануорти? – нерешительно спросил он.

– Нет, не надо. – Я опустил в кресло с цветочной обивкой. – Подожду здесь.

– Зачем, скажите на милость, понадобилось брать ее с собой? – кипятился Дануорти.

Финч протянул мне старый журнал.

– Спасибо, я не хочу читать. Посижу и послушаю с вами за компанию.

– Это чтобы подложить на кресло. Сажа, знаете ли, плохо выводится с обивки.

Я привстал, потом уселся обратно на расстеленный Финчем журнал.

– Неужели нельзя было подождать с опрометчивыми поступками до освящения? – продолжал мистер Дануорти.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Приятно слушать, когда распекают не тебя, и распекает не леди Шрапнелл, хотя и непонятно, что такого натворила «катастрофа». Тем более, когда мистер Дануорти воскликнул:

– Это не оправдание! Следовало просто вытащить конку из воды и оставить на берегу. В сеть-то зачем с собой тащить?

Угон конки представлялся еще менее вероятным, чем цапанье блошки, при том что ни та, ни другая в спасении из воды не очень-то нуждается. Особенно блошка. А конка? В девятнадцатом веке она, положим, была, но запряженный лошаадьми вагон уж точно нельзя принести с собой в сеть, даже если он туда и поместится.

В книгах и визиках подслушиваемые всегда честно разъясняют, о чем идет речь, чтобы подслушивающий не терялся в догадках. «Разумеется, как вы уже поняли, я имею в виду конку, на которой ехал переодетый Шерлок Холмс, из-за сильного тумана сошедшую с рельс и рухнувшую с моста, а угонять ее понадобилось вот почему...». Далее идет подробное разъяснение причин кражи на радость скрючившегося у замочной скважины. Иногда на форзаце приводится план здания или карта – для пущего удобства.

В реальной жизни о подслушивающем никто не заботится. Вместо разъяснений катастрофа только запутала меня еще больше фразой: «Потому что бейн вернулся, чтобы удостовериться...»

– Бессердечный изверг! – провозгласила она, имея в виду то ли вернувшегося бейна, то ли мистера Дануорти. – А она потом прокралась бы в дом, и он бы повторил все снова. Он не должен был меня видеть, иначе понял бы, что я не тамошняя, а спрятаться, кроме как в сеть, было негде. В беседе он меня заметил бы. Я не думала...

– Вот именно, мисс Киндл, – подхватил Дануорти. – Вы не утруждали себя раздумьями.

– Что вы теперь будете делать? – спросила катастрофа. – Отшлете ее назад? Концы в воду, да?

– Я ничего не собираюсь делать, пока не просчитаю все вероятности.

– Это жестоко!

– Так...тов я люблю не меньше вашего. Но слишком велика цена ошибки. Мне нужно просчитать все последствия, прежде чем действовать. Хотя для вас такой подход внове, я понимаю.

Таксистов? За что их любить? Мне они всегда казались слишком болтливими, особенно те, что во времена блица считали, будто лозунг «Болтун – находка для шпиона» не про них. Сколько я от них наслушался про погребенных заживо под развалинами или разорванных на части – «а головой пробило витрину в магазине через улицу. Галантерейном. Ехал пассажиром, вот как вы сейчас».

– А меня вы отпустите обратно? – поинтересовалась катастрофа. – Я отпросилась порисовать на пленэре. Если не вернусь, тоже, чего доброго, запишут в утонувшие.

– Не знаю. Пока не решу, сидите у себя в корпусе.

– Можно забрать ее с собой?

– Нет.

Наступила обиженная тишина, затем дверь отворилась, и передо мной предстало самое прекрасное создание на свете.

Финч говорил про девятнадцатый век, поэтому я представлял себе турнюры и кринолины, а увидел мокрое до нитки зеленоватое платье в пол, облепившее точеную фигуру. Медно-каштановые волосы струились по плечам и спине, словно речные водоросли. Передо мной стояла живая нимфа с уотерхаусовских полотен, вышедшая, как призрак, из темных вод.

Встав с кресла, я тарасился на нее с разинутым ртом, словно недотепа-новичок, и даже шлем снял, жалея, что не послушал сестру и не умылся.

Девушка выжала длинный рукав на ковер. Финч тут же расстелил перед ней очередной журнал.

– А, Нед, вы уже здесь. Хорошо! – сказал появившийся следом мистер Дануорти. – Вас-то мне и нужно.

Нимфа посмотрела на меня темными зелено-карими глазами цвета лесного пруда. Глаза сощурились.

– Вы что, этого хотите отправить?

– Я никого никуда не отправляю. Пока все не обдумаю. А вы ступайте, переоденьтесь в сухое, пока не простудились.

Придерживая одной рукой мокрую насквозь юбку, она пошла к выходу, но у двери обернулась и отверзла сахарные уста. Сейчас последует прощальное благословение – возможно, обращенные ко мне слова любви и нежности.

– Только не кормите ее. Она и так полдома съела, – изрекла нимфа и уплыла восвосяи.

Я заворожено уставился ей вслед. Мистер Дануорти тронул меня за плечо.

– Значит, Финч вас отыскал. – Он провел меня в обход письменного стола в кабинет. – Я боялся, что вы будете в 1940 году на каком-нибудь церковном базаре, по которым вас гоняла леди Шрапнелл.

За окном виднелся двор, который, оставляя за собой изящную дорожку из капель, пересекала прелестная... Как они назывались? Дриада? Нет, дриады жили на деревьях. Сирена?

Мистер Дануорти подошел к окну.

– Все из-за леди Шрапнелл. Только посмотрите, во что она за полгода превратила одну из моих ценнейших сотрудниц! Да и вы тоже во что превратились... Не женщина, а фугасная бомба!

Сирена растворилась в туманной дали. Хотя нет, сирена тоже неправильно. Сирены живут на утесах и топят корабли. Ближе все-таки к дриадам. Дельфида? Нет, эти предсказывают беды и напасти.

– ...не надо было ее посылать, – продолжал мистер Дануорти. – Я пытался ее переубедить, но какой там. Знай твердит свое «заглянуть под каждый камень». И вот пожалуйста – Киндл в викторианских временах, а вы скупаете подушечки для булавок и чайные полотенца.

– И студень.

– Студень? – Дануорти посмотрел вопросительно.

– Для больных. Только вряд ли они его едят. Я бы не стал. Наверное, приносят на следующий базар, так он и кочует по ним из года в год. Вместе с зубодробительным печеньем.

– В общем, – Дануорти нахмурился, – кое-кто наворотил камней, создав серьезную проблему, поэтому вы мне и понадобились. Вы садитесь, садитесь. – Он показал на кожаное кресло.

Рядом немедленно материализовался Финч с журналом.

– Сажа очень плохо оттирается с кожи.

– И шлем снимайте, – продолжил Дануорти. – Боже, ну у вас и вид. Где это вы так?

– На футбольном поле.

– Чувствуется, задали вам жару.

– Я нашел его у пешеходной калитки рядом с мертоновским стадионом, – объяснил Финч.

– Я думал, он в лечебнице.

– Выбрался через окно.

– Вот как. Но где же он так извозился? – недоумевал Дануорти.

– Я искал епископский пенек, – вклинился я.

– На мертоновском стадионе?

– На развалинах собора, перед тем как попасть в лечебницу, – растолковал Финч.

– И как, нашли?

– Нет, – ответил я. – Поэтому к вам и шел. Я не успел обыскать развалины, а леди Шрапнелл...

– ...наименьшее из наших зол. Вот уж никогда бы не подумал, что скажу такое, – покачал головой Дануорти. – Мистер Финч, полагаю, уже объяснил, в чем дело?

– Да. То есть, нет. То есть, лучше напомните еще раз.

– В сети возник сбой. Я уведомил Управление путешествий во времени и... Финч, когда обещал быть Чизвик?

– Сейчас уточню, сэр.

Финч вышел.

– Положение серьезное, – начал мистер Дануорти. – Наша сотрудница...

– Он уже едет, – доложил вернувшийся Финч.

– Ясно. Так вот, пока он не прибыл: наша сотрудница украла брошку и протащила с собой в сеть.

Брошку. Уже логичнее, чем блошку. Или конку. Ее хотя бы есть резон похищать.

– Мать леди Уиндермир тоже аксессуары присваивала, – продолжил я свою мысль вслух.

– Мать леди Уиндермир? – Мистер Дануорти обменялся тревожным взглядом с Финчем.

– Острый приступ перебросочной болезни, сэр, – развел руками секретарь. – Дезориентация, проблемы со слухом, сентиментальность, непоследовательность, – он выделил голосом последние два слова.

– Острый? Сколько же раз вы перебрасывались?

– Четырнадцать на этой неделе. Десять благотворительных базаров и шесть епископских жен. Нет, тринадцать. Миссис Биттнер не считается, она была в Ковентри. Не в том, откуда меня забрали, а в современном.

– Биттнер, – заинтересовался мистер Дануорти. – Не Элизабет Биттнер, случаем?

– Да, сэр, она. Вдова последнего епископа Ковентрийского собора.

– Бог мой, сто лет ее не видел! Мы были с ней знакомы в молодости, когда только начинались эксперименты с сетью. Чудесная девушка! Я с первого взгляда понял, что это прекраснейшее создание на свете... А ее угораздило влюбиться в Битти Биттнера, больше ни на кого и смотреть не хотела. Как она сейчас?

Далеко не девушка. Сухощавая седая дама, отчего-то нервничавшая всю нашу беседу. Наверное, боялась, что леди Шрапнелл ее тоже припадет к работе и командирует в Средние века.

– Хорошо, – сказал я вслух. – Жалуется, правда, что артрит замучил.

– Артрит... – Дануорти покачал головой. – Трудно представить Лиззи Биттнер с артритом. А зачем вы к ней ездили? Ее ведь еще на свете не было, когда старый собор сгорел.

– У леди Шрапнелл есть версия, что пенек попал на хранение в крипту нового собора, а миссис Биттнер, поскольку присутствовала при продаже здания, могла руководить разбором вещей и видеть пенек.

– И как, видела?

– Нет, сэр. Считает, что он сгорел в пожаре.

– Я помню, как продавали собор. Религия стала никому не нужна, службы никто не посещал... Лиззи Биттнер... – проговорил Дануорти с нежностью. – Артрит. И волосы уже не рыжие, да?

– Зацикленность на несущественном, – вмешался в разговор Финч. – Мисс Дженкинс говорит, у мистера Генри очень тяжелый случай.

– Мисс Дженкинс?

– Сестра, которая осматривала мистера Генри в лечебнице.

– Прелестное создание, – кивнул я. – Ангел-хранитель, овевающий мановением крыла горячечный лоб...

Мистер Дануорти с Финчем переглянулись.

– Говорит, давно такого запущенного случая не видела, – протянул Финч.

– Поэтому я к вам и пришел, – объяснил я. – Мне прописаны две недели строгого постельного режима, а леди Шрапнелл...

– И мысли подобной не допустит, – понимающе подхватил мистер Дануорти. – До освящения собора всего семнадцать дней.

– Я пытался втолковать это сестре, сэр, но она и слушать не стала. Велела отправляться домой и ложиться в постель.

– Нет-нет, там леди Шрапнелл в первую очередь проверит. Финч, где она сейчас?

– В Лондоне? Только что звонила из Ройял-Фри.

Я вылетел из кресла, как ужаленный.

– Сказал ей, что нас дезинформировали, – продолжил Финч, – и на самом деле мистера Генри увезли в Ройял-Масоник.

– Отлично. Позвоните туда и попросите задержать ее подольше.

– Уже позвонил, – доложил Финч.

– Великолепно. Садитесь, Нед, садитесь. На чем мы остановились?

– Веер леди Уиндермир, – напомнил Финч.

– Да, только наша сотрудница протащила через сеть совсем не веер.

– Протащила через сеть? – опешил я. – Но ведь из прошлого нельзя ничего пронести через сеть. Это невозможно.

– Выходит, возможно.

В приемной послышались шаги.

– Вы же сказали, она в Ройял-Фри, – укоризненно начал мистер Дануорти, однако в кабинет ворвалась не «она», а невысокий взъерошенный мужчина в лабораторном халате с пищущим наладонником в руке. Я узнал в нем руководителя Управления путешествий во времени.

– Мистер Чизвик, вы уже здесь! – приветствовал его мистер Дануорти. – Я хотел поговорить с вами насчет происшествия...

– А я – насчет леди Шрапнелл, – отозвался Чизвик. – Просто стихийное бедствие какое-то! От нее нет покоя ни днем, ни ночью, то она возмущается, что нельзя несколько раз отправить человека в одно и то же время-пространство, то требует уплотнить количество перебросок. При этом забирает у меня сотрудников одного за другим – историков, техников, кого попало, и гоняет по всему прошлому осматривать ящики для подаяний и аркбутаны. – Он помахал пищущим наладонником. – Вот, опять! Шестое сообщение за час, требует ответить, куда подевался пропавший историк! Мы ввязались в ее проект, чтобы на полученные деньги финансировать научные исследования по темпоралистике. В итоге исследовательская работа встала, потому что половина моих сотрудников и все компьютеры захвачены леди Шрапнелл!

Он стал нажимать кнопки на незамолкающем наладоннике, и мистер Дануорти поспешил воспользоваться паузой.

– Как раз о темпоралистике я и хотел поговорить. Наша сотрудница...

Чизвик не слушал. Умолкнувший наладонник принялся дюйм за дюймом выплевывать бумажную ленту.

– Вот, полюбуйте! – Чизвик оторвал изрядный кусок и помахал им перед носом Дануорти. – Желает, чтобы я посадил кого-то из подручных на телефон обзванивать все больницы Лондона с пригородами в поисках пропавшего историка. Генри его фамилия. Нед Генри. Кого-то из подручных! Нет у меня больше никого! Она забрала всех, кроме Льюиса, и то лишь потому, что он, к счастью...

– Что случится, если историк вынесет объект из прошлого через сеть? – перебил мистер Дануорти.

– Это она просила узнать? Она, кто же еще! Совсем помешалась на этом пеньке, уже готова из прошлого его выкрасть. Повторяю ей: перемещение чего бы то ни было из прошлого в настоящее нарушит законы пространственно-временного континуума! Знаете, что она отвечает? «Законы создаются, чтобы их нарушать».

Мистер Дануорти, откинувшись в рабочем кресле, снял очки и принялся задумчиво их разглядывать.

– Я ей втолковываю, – горячился Чизвик, – что законы физики не имеют ничего общего с рукотворными, что это законы, а не правила поведения, и нарушение их чревато катастрофическими последствиями.

– Какого рода? – спросил мистер Дануорти.

– Предсказать невозможно. Пространственно-временной континуум – это хаотическая система с причудливыми, нелинейными связями между событиями, не поддающимися никаким прогнозам. Перенос объекта вперед во времени вызовет парахронический диссонанс, который в лучшем случае приведет к увеличению сдвигов при переброске. В худшем – уничтожит саму возможность путешествий во времени. Или изменит ход истории. Или погубит Вселенную. Поэтому такой диссонанс исключен в принципе, но поди втолкуй это леди Шрапнелл!

– Увеличение сдвигов? – встрепнулся мистер Дануорти. – Диссонанс приводит к увеличению сдвигов?

– Теоретически, – подтвердил мистер Чизвик. – Как раз на исследование диссонансов должны были пойти деньги леди Шрапнелл, но ведь научная работа теперь побоку, все силы брошены на этот

дурацкий собор!.. Невозможная дама! На прошлой неделе требовала снизить процент сдвигов. Требовала! То есть, что такое сдвиг, ей тоже невдомек.

Мистер Дануорти надел очки.

– А что, наблюдается рост сдвигов?

– Нет. Просто леди Шрапнелл не понимает принципы путешествий во времени. Ей...

– Кабачковое поле, – вставил я.

– Что? – Чизвик грозно воззрился на меня.

– Жена фермера приняла его за немецкого парашютиста.

– Парашютиста? – Чизвик сощурился. – Это не вы тот пропавший историк? Как ваша фамилия?

– Джон Бартоломью, – подсказал мистер Дануорти.

– Судя по виду, еще одна жертва леди Шрапнелл. Дануорти, ее надо остановить. – Наладонник снова запищал и принялся выталкивать бумажную ленту. Чизвик зачитал вслух: – «Почему до сих пор нет сведений о Генри? Жду. Требуется еще двое в 1851 год, на Великую промышленную выставку, проверить возможное происхождение епископского пенька». – Скомкав ленту, Чизвик швырнул ее на стол мистеру Дануорти. – Нужно срочно ее угомонить! Иначе она развалит весь университет!

Чизвик вылетел из кабинета.

– Или обозримую Вселенную, – пробормотал ему вслед Дануорти.

– Догнать его? – спросил Финч.

– Нет. Попробуйте связаться в Эндрюсом и посмотрите, что есть в Бодлейнке по парахроническим диссонансам.

Финч вышел. Мистер Дануорти, хмурясь, принялся рассматривать на просвет снятые очки.

– Я понимаю, что момент неподходящий, – напомнил я о себе, – но, может, подскажете, где бы мне залечь на дно? Подальше от Оксфорда.

– Вмешательство... – протянул Дануорти. – Вмешательством мы заварили эту кашу, дальнейшее вмешательство только все ухудшит. – Он нацепил очки на нос и встал. – Лучше всего, конечно, выждать и посмотреть, что будет дальше, – рассуждал он, расхаживая по кабинету. – Статистическая вероятность того, что ее исчезновение изменит ход истории, стремится к нулю, особенно по тем временам. Их ведь тогда в порядке вещей было топить, чтобы не заполнили все.

Это брошки-то?

– Сеть ее пропустила, что само по себе свидетельствует об отсутствии диссонанса, иначе она бы не открылась. – Дануорти протер очки полой пиджака и посмотрел на просвет. – С тех пор прошло полтора века с лишним. За это время Вселенная уже давно бы погибла, если исходить из худшего сценария.

Он подышал на стекла и протер их еще раз.

– А в образование параллельной действительности, где леди Шрапнелл тоже отстраивает Ковентрийский собор, я решительно отказываюсь верить.

Леди Шрапнелл. Она в любой момент может вернуться из Ройял-Масоник.

– Мистер Дануорти! – взмолился я. – Я так надеялся, что вы придумаете, где мне отлежаться после перебросочной болезни...

– С другой стороны, отсутствие диссонанса вполне может объясняться именно тем, что ее тотчас же вернули, предупредив возникновение разрушительных или каких бы то ни было последствий.

– Сестра сказала, две недели, но мне хватит и трех-четырёх дней...

– И даже в этом случае, – мистер Дануорти снова зашагал туда-сюда, – ничто не мешает нам выждать. В этом прелесть путешествий во времени. Можно подождать три-четыре дня, две недели – да хоть год – и все равно вернуть ее «тотчас же».

– Если меня найдет леди Шрапнелл...

Он остановился.

– Да, об этом я не подумал. Боже, стоит ей узнать...

– Если вам вдруг придет в голову какое-нибудь укромное и тихое...

– Финч! – крикнул мистер Дануорти, и секретарь возник в дверях с распечаткой в руке.

– Это библиография по парахроническим диссонансам, – пояснил он. – Не густо. Мистер Эндрюс в 1560 году, изучает клерестории по заданию леди Шрапнелл. Позвать обратно мистера Чизвика?

– Есть дела поважнее. Нужно придумать, где укрыть Неда, чтобы он спокойно выздоравливал от перебросочной болезни.

– Леди Шрапнелл... – начал я.

– Именно, – подхватил мистер Дануорти. – В нашем времени оставаться нельзя. И в двадцатом веке тоже. Нужно что-то тихое, укромное, загородный дом, например, у реки. У Темзы.

– Вы хотите сказать... – догадался Финч.

– Его необходимо переправить немедленно. Пока леди Шрапнелл не добралась.

– Ага! – выдохнул Финч. – Понимаю! Но мистер Генри не в том состоянии, чтобы...

– Нед, – перебил его Дануорти, – как вы смотрите на то, чтобы отправиться в викторианскую эпоху?

Викторианская эпоха. Дремотные летние вечера, катание на лодке по Темзе, крокет на изумрудных газонах, девушки в белых платьях, ветерок играет ленточками на шляпах... А потом чай под ивами, севрский фарфор, услужливый дворецкий, предугадывающий любую вашу прихоть, чтение стихов из тонкого томика, и нежные девичьи голоса летят стайкой легких лепестков по напоенному цветочным ароматом воздуху... «Июльский полдень золотой... И тянется неспешно нить моей волшебной сказки... В том тайнике, где ты хранишь младенческие сны...»[1]

Финч покачал головой.

– По-моему, не самая лучшая мысль, мистер Дануорти.

– Ерунда. Вы слышите, что он несет? Ему там самое место.

Отбросьте невозможное, и каким бы невероятным ни оказалось оставшееся, это и есть истина.

Шерлок Холмс

Глава третья

Пустяковое дело – Ангелы, архангелы, херувимы, престолы, господства, силы и как их там – Головокружение – Краткий курс викторианской истории и этикета – Багаж – Подвиг мичмана Клеппермана – Еще багаж – Трудности со слухом – Рыбные вилки – Сирены, сальфы, нимфы, дриады и как их там – Визитеры – Собака не лучший друг человека – Еще визитеры – Неожиданное отбытие

– Вы уверены? – сомневался Финч. – У него и так тяжелая перебросочная болезнь. Что если дальняя переброска...

– Не обязательно, – возразил мистер Дануорти. – И потом, выполнив задание, он может отдохнуть там, сколько понадобится. Вы же его слышали, там натуральный курорт.

– Но в таком состоянии он, чего доброго, не сумеет... – встревоженно начал Финч.

– Пустяковое дело, – успокоил его Дануорти. – Ребенок справится. Главное – успеть до возвращения леди Шрапнелл, а Нед сейчас единственный на весь Оксфорд историк, которого не угнали переписывать приходские книги. Проводите его к сети, свяжитесь с Управлением и попросите Чизвика подождать меня там.

Запиликал телефон, Финч снял трубку, долго слушал, потом наконец вставил:

– Нет, он действительно был в Ройял-Фри. Но затем они решили провести ТВР, поэтому перевели его в Сент-Томас. Да, на Ламбет-Палас-роуд. – Он еще послушал, отнеся трубку подальше от уха. – Нет, на этот раз точно. – Финч отключился. – Это леди Шрапнелл, – пояснил он зачем-то. – Боюсь, она скоро вернется.

– Что такое ТВР? – поинтересовался мистер Дануорти.

– Сам придумал. Думаю, надо срочно вести мистера Генри к сети и инструктировать.

Финч проводил меня в лабораторию, за что ему большое спасибо. Мне всю дорогу казалось, что мы идем в противоположную сторону, а в итоге дверь оказалась правильной, и снаружи по-прежнему стояли пикетчики, протестующие против восстановления Ковентрийского собора.

На электрических транспарантах бежали лозунги: «Чем плох нынешний?», «Оставьте Ковентри в Ковентри» и «Он наш!» Я пробежал глазами подsunутую мне листовку: «Восстановление Ковентрийского собора обходится в пятьдесят миллиардов фунтов. На эти деньги можно не только выкупить современное здание собора в Ковентри, но и выстроить взамен еще более крупный торговый центр».

Финч выхватил у меня листовку, отдал обратно пикетчику и открыл дверь.

Внутри сеть тоже выглядела прежней – я не узнал лишь толстушку за пультом. Белый халат и обрамляющие лицо золотистые локоны делали ее похожей на херувима, а не на оператора сети.

– Что вам нужно? – спросила она сурово, резко разворачиваясь к нам вместе с креслом.

Пожалуй, скорее, архангел, чем херувим.

– Подготовить переброску, – сообщил Финч. – В викторианскую Англию.

– Исключено, – отрезала девушка.

Точно, архангел. Такие и вышвырнули Адама и Еву из рая.

– Это по распоряжению мистера Данурти, мисс... – Финч сделал паузу.

– Мисс Уордер, – буркнула оператор.

– Мисс Уордер. Срочная переброска.

– Они все срочные. У леди Шрапнелл других не бывает. – Она взмахнула планшетом, словно огненным мечом. – Девятнадцать перебросок, для четырнадцати требуется форма гражданской ПВО и женской добровольной службы 1940 года, а в костюмерной шаром покати. Плюс еще привязки. Я на три часа опаздываю со стыковками, и бог знает сколько еще срочных перебросок подкинет леди Шрапнелл до конца дня. – Толстушка хлопнула планшет на стол. – Я зашиваюсь! Викторианская Англия... Передайте мистеру Данурти, что это совершенно исключено.

Она повернулась к пульту и принялась барабанить по кнопкам.

Финч, не собиравшийся сдаваться, попробовал зайти с другой стороны.

– А где мистер Чаудри?

– Именно! – прогремела оператор, крутнувшись обратно к нам. – Где, спрашивается, Бадри, и почему он не на рабочем месте? А я вам скажу! – Она снова угрожающе воздела планшет. – Леди Шрапнелл...

– Его тоже послали в сороковой? – ужаснулся я. У Бадри пакистанские корни. Его скрутят как японского шпиона.

– Нет. Велела везти ее в Лондон, разыскивать какого-то пропавшего историка. А на мне теперь и костюмерная, и сеть, и любители отрывать от дел глупыми вопросами!.. Так что, если таковых больше нет, мне нужно рассчитать срочную привязку.

Девушка выбила пулеметную дробь по кнопкам. Нет, наверное, даже не архангел, а кто-то из этих, многоглазых, с огромными крыльями. Как они там назывались? Сарабанды?

– Пожалуй, схожу за мистером Данурти, – прошептал мне Финч. – Вы оставайтесь здесь.

Я был только рад остаться. Меня настигло упомянутое медсестрой головокружение, поэтому хотелось лишь одного – сесть и отдохнуть. Отыскав в дальнем углу лаборатории пару стульев, я разместился на правом, закинул ноги на левый, убрав оттуда стопку противопогазов и ножных насосов, и вытянулся в ожидании Финча. Как же все-таки назывались эти архангелы, «полные очей»? На букву «С». Самураи? Нет, это леди Шрапнелл. Сильфы? Нет, это духи воздуха со стрекозьими крыльями. Духи воды на какую-то другую букву. На «Н». Немезиды? Нет, это уж определенно леди Шрапнелл.

Как же их звали? Гилас встретился с ними у пруда, и они утянули его на дно, поманив своими тонкими белыми руками, опутав струящимися рыжими волосами, утащив в темную глубину...

Я, наверное, задремал, потому что, когда открыл глаза, оператор потрясала планшетом перед мистером Данурти.

– Совершенно исключено! У меня еще четыре привязки, восемь стыковок и замена костюма, который искупала в реке ваша сотрудница! – Девушка гневно зашелестела листками на планшете. – Могу записать вас на пятницу седьмое, в половину четвертого. Самое раннее.

– Седьмое? – задохнулся Финч. – Это же следующая неделя!

– Нет, нам нужно сегодня, – сказал мистер Данурти.

– Сегодня? – Оператор занесла планшет, словно молот. – Сегодня?!

Серафимы! «Полные очей, и сияние от огня, и молния исходила из огня».

– Временные координаты устанавливать не нужно, – увещевал оператора мистер Данурти. – Возьмем те же, что у Киндл. И точка переброски в Мачингс-Энде уже имеется. – Он обвел взглядом лабораторию. – Где ваш костюмер?

– В 1932 году, – ответила девушка. – Зарисовывает одежду хористов. Срочное задание от леди Шрапнелл – выяснять, из льна или хлопка шили альбы. Так что пока костюмерная на мне. И сеть. И все остальное. – Она перелистала страницы планшета обратно и положила его на пульт. – Ничего не получится. Даже если я вас втисну, не отправлять же его в таком виде, и потом его нужно проинструктировать по викторианской истории и укладу.

– Нед не собирается на чай к королеве, – возразил мистер Дануорти. – Контакт с современниками предстоит минимальный или вообще нулевой. Так что можно обойтись без инструктажа.

Серафима потянулась за планшетом.

Финч поспешил вернуться.

– Он у вас по двадцатому веку, – не сдавалась девушка. – Деятнадцатый – вне его компетенции. Я не могу разрешить переброску без соответствующего инструктажа.

– Ладно, – согласился мистер Дануорти, поворачиваясь ко мне. – Дарвин, Дизраэли, индийский вопрос, «Алиса в Стране чудес», крошка Нелл, Тернер, Теннисон, «Трое в лодке», кринолины, крокет...

– Перочистки, – вставил я.

– Перочистки, вязанные салфетки, украшения из волос, принц Альберт, фраки, пуританство, Рескин, Фейгин, Элизабет Браунинг, Данте Габриэль Россетти, Джордж Бернард Шоу, Гладстон, Голсуорси, неоготика, Гилберт и Салливан, лаун-теннис и зонтики от солнца. Вот, – сообщил он серафиме. – Краткий курс пройден.

– Подготовка специалиста по девятнадцатому веку включает три семестра политической истории, два...

– Финч, – велел мистер Дануорти, – сходите в колледж Иисуса и принесите наушники с кассетами. Нед прослушает ускоренный гипнотический курс, а вы, – он обернулся к серафиме, – тем временем подберете ему одежду и подготовите переброску. Понадобится летний костюм, белые фланелевые брюки, льняная сорочка, полосатый пиджак для катания на лодке. Так, теперь багаж...

– Багаж! – возопила серафима, исполняясь очей. – Мне некогда собирать багаж! У меня девятнадцать перебросок...

– Ладно, – согласился мистер Дануорти, – багаж мы сами соберем. Финч, сходите в Иисуса и принесите какие-нибудь викторианские чемоданы. Вы с Чизвиком связались?

– Нет, сэр. Его не было. Я оставил сообщение.

Он вышел, столкнувшись в дверях с высоким и худым темнокожим парнем не старше восемнадцати на вид. Глядя на кипу бумаг, которую он прижимал к груди, я было принял его за пикетчика и уже протянул руку за листовкой, но парень направился напрямиком к мистеру Дануорти.

– Мистер Дануорти? – проговорил он растерянно. – Я Ти-Джей Льюис. Из Управления путешествий. Вы искали мистера Чизвика?

– Да. Где он?

– В Кембридже, сэр.

– В Кембридже? Там-то он что делает?

– Ищет работу, с-сэр, – промямлил Льюис. – Он... он уволился, сэр.

– Когда?

– Только что. Сказал, ни секунды больше не намерен горбатиться на леди Шрапнелл, сэр.

– Та-ак, – проговорил мистер Дануорти, снимая очки и вперяясь в них взглядом. – Так. Ладно.

Мистер Льюис, значит?

– Ти-Джей, сэр.

– Ти-Джей, передайте в таком случае его заместителю – как его фамилия? Раннифорду, точно, что мне нужно с ним проконсультироваться. Безотлагательно.

Ти-Джей замялся.

– Только не говорите, что он тоже уволился.

– Нет, сэр. Он в 1655-м, осматривает кровлю.

– Ну, разумеется, – с досадой бросил Дануорти. – Тогда тому, кто остался за главного.

Ти-Джей смутился еще больше.

– Э-э, боюсь, сэр, это я.

– Вы? – изумился мистер Дануорти. – Вы ведь студент. Неужели больше никого не нашлось?

– Нет, сэр, – покачал головой Ти-Джей. – Всех остальных забрала леди Шрапнелл. Меня тоже хотела, но первые две трети двадцатого века и весь девятнадцатый – это десятая категория для чернокожих, а значит, мне туда нельзя.

– Не думал, что это ее остановит, – признался Дануорти.

– И правильно. Она хотела переодеть меня мавром и послать в 1395-й – исследовать конструкцию шпиля. Предполагалось, что я сойду за пленного, привезенного из крестовых походов.

– Которые закончились в 1272 году, – вставил Дануорти.

– Да, сэр, я знаю. Я ей так и сказал. По сути, все прошлое – это десятая категория для темнокожих. – Он ухмыльнулся. – В кои-то веки происхождение сыграло мне на руку.

– Ладно, разберемся, – вздохнул мистер Дануорти. – Вы когда-нибудь слышали про мичмана Джона Клеппермана?

– Нет, сэр.

– Вторая мировая. Сражение у атолла Мидуэй. Весь командный состав корабля погиб, и мичману пришлось встать к штурвалу. Войны и катастрофы не разбирают чинов и званий, вручая подчас бразды правления тому, кто иначе никогда бы их не получил. Иными словами, это ваш звездный час, Льюис. Я так понимаю, вы с кафедры темпоралистики?

– Нет, сэр. Информатики, сэр.

Дануорти вздохнул.

– Что ж, мичман Клепперман тоже запускал торпеду впервые, однако потопил два эсминца и крейсер... Так что вот вам первое задание: расскажите мне, как проявляет себя парахронический диссонанс, как его опознать. Только не говорите, что он заведомо невозможен.

– Па-ра-хро-ни-чес-кий дис-со-нанс, – послушно записал Ти-Джей на верхнем листе в своей кипе. – Когда нужно, сэр?

– Вчера, – ответил мистер Дануорти, вручая ему библиографию из Бодлеинки.

– То есть, мне смотреть в прошлое? – не понял Ти-Джей.

– На еще одну переброску даже не рассчитывайте, – всполошилась Уордер.

Мистер Дануорти устало покачал головой.

– Я имею в виду, выяснить требуется как можно скорее.

– А-а. Да, сэр. Будет сделано, сэр. – На полпути к двери Ти-Джей обернулся. – А что потом стало с мичманом Клепперманом?

– Погиб при исполнении.

– Так я и думал, – грустно кивнул Ти-Джей.

Он вышел, и тут же вернулся Финч с наушниками в руках.

– Позвоните Эрнсту Хассельмайеру в Берлин и спросите, известно ли ему о парахронических диссонансах. Если нет, узнайте, с кем можно проконсультироваться, – распорядился мистер Дануорти. – А потом вам нужно будет сходить в собор.

– В собор? – встревожился Финч. – А если там леди Шрапнелл?

– Спрячьтесь в Капелле мануфактурщиков. Поищите кого-нибудь из Управления, кого угодно. Должен у них найтись кто-то опытнее студента.

– Да, сэр, сейчас сделаю. – Он подошел ко мне и нацепил наушник. – Пленки, сэр, для гипнотического курса.

Я начал закатывать рукав для укола.

– Нет, думаю, медикаменты в вашем состоянии противопоказаны, – остановил меня Финч. – Вам придется прослушать материал на обычной скорости.

– Финч, – спохватился мистер Дануорти, – а где Киндл?

– Вы послали ее в корпус, сэр.

Он включил пленку. «Королева Виктория царствовала с 1837 по 1901 год», – раздалось у меня в ухе.

– Уточните у нее, какой получился сдвиг, – велел Дануорти. – На той переброске, когда... «...она принесла Англии невиданное благополучие и процветание...»

– Да, – подтвердил Дануорти. – И выясните, как обстоят дела со сдвигами у остальных... «...оставшись в истории, как безмятежная, благочинная эпоха...»

– ...и позвоните в Сент-Томас. Пусть удерживают леди Шрапнелл всеми силами.

– Да, сэр.

Финч вышел.

– Значит, Лиззи Биттнер по-прежнему живет в Ковентри? – обратился ко мне мистер Дануорти.

– Да. Вернулась из Солсбери после смерти мужа. – Я понял, что от меня ждут подробностей. – Рассказывала про новый собор, как епископ Биттнер пытался его спасти. Возобновил показ спектаклей-моралите, чтобы привлечь прихожан, и устроил посвященную блицу выставку на развалинах. Миссис Биттнер показала мне и руины, и новое здание. Там ведь теперь торговый центр.

– Да. Я всегда считал, что торговый центр из него получился более достойный, чем собор. Архитектура середины двадцатого века – почти такой же ужас, как викторианская. Но все равно

хорошо, что его построили. И Битти он нравился. Кстати, собор ведь сперва продали Церкви грядущего – или как там ее? Впрочем, у них вы про пенек, наверное, уже справлялись?

Я кивнул, а потом Дануорти, видимо, ушел, но я этого не помню. В одном ухе у меня ревел отбой воздушной тревоги, а в другом рассказывали о подчиненном положении женщин.

«Женщины в викторианском обществе были почти бесправны», – сообщил голос в наушнике. «Кроме королевы Виктории», – подумал я. Подошедшая с мокрым полотенцем Уордер оттерла мне лицо и руки от сажи, а потом шлепнула какого-то белого крема под нос.

«Викторианской женщине отводилась роль няни, сиделки, помощницы по хозяйству, “ангела домашнего очага”».

– Не трогайте губу! – велела Уордер, снимая с шеи портновский метр. – Волосы оставим как есть, феноксидилом наращивать некогда. – Она измерила обхват моей головы. – Сделайте пробор посередине. Не трогайте губу, я сказала!

«Считалось, что чувствительная натура барышень не выдержит строгости учебных заведений, поэтому женщин обучали дома – рисованию, музыке и манерам».

– Бред какой-то! – Уордер закрутила портновский метр у меня на шее. – Зачем меня понесло в Оксфорд? В Кембридже отличная кафедра сценографии. Сейчас сидела бы, разрабатывала костюмы для «Укрощения строптивой», а не разрывалась на три должности!

Я оттянул пальцем сдавившую кадык ленту, угрожающую меня задушить.

«Викторианские женщины были милы, тихи и послушны».

– Из-за кого все наши беды? – Она щелкнула сорванным с моей шеи метром. – Из-за леди Шрапнелл! Зачем ей приспичило восстанавливать собор? Она даже не англичанка, она из Америки! Если она вышла замуж за пэра, это еще не значит, что нужно являться к нам и перестраивать наши церкви. И женаты они без году неделя...

Уордер вздернула мою руку и ткнула концом ленты в подмышку.

– А если ей так охота что-то восстановить, то есть ведь и более ценные объекты. Коvent-Гарден, например. Королевскому шекспировскому тоже не помешало бы помочь деньгами: в прошлом сезоне у них было всего две постановки, причем одна – старый «Ричард II» в ню-варианте 1990-х. Хотя, конечно, где там голливудской дамочке в искусстве разбираться? Визики! Интерактив!

Резкими, размашистыми движениями она сняла мерки моей груди, плеча, шагового шва и исчезла, а я снова устроился на стульях, прислонил голову к стене и подумал, как тихо и покойно было бы лежать на дне пруда.

Дальше все несколько смазилось. Наушник вещал о викторианской сервировке стола, ровный рев отбоя тревоги сменился завываниями тревожной сирены, серафима принесла на примерку стопку брюк, но все это как-то путалось у меня в голове.

В какой-то момент возник Финч с полным набором викторианского багажа – портплед, большой баул, сумка через плечо, гладстоновский саквояж и две картонки, перевязанные бечевкой. Я подумал, что предстоит выбрать что-то одно, как из брюк, но выяснилось, что мне полагается все разом. Финч снова исчез со словами: «Принесу остальное». Серафима отложила пару белых фланелевых и пошла искать подтяжки.

«Вилка для устриц кладется на суповую ложку, зубцами к тарелке, – сообщил наушник. – Устричный нож помещается от нее слева. Крепко зажав раковину в левой руке, извлеките мясо устрицы целиком с помощью вилки, при необходимости помогая ножом».

Я несколько раз отключался, и серафиме приходилось меня расталкивать, чтобы примерить разные предметы гардероба. Затем она стерла с моей губы белый крем, и я осторожно потрогал пальцем свежие усы.

– Ну как? – поинтересовался я.

– Криво, – ответила серафима. – Но уж как есть. Вы положили ему бритву?

– Да, – подтвердил Финч, втаскивая большой плетеный короб. – Еще пару щеток из музея Ашмола, помазок и кружку для бритья. Вот деньги, – он вручил мне бумажник размером с портплед. – К сожалению, в основном монетами. Купюры той эпохи очень плохо сохраняются. Одеяло свернуто, в корзинке провизия, в коробках консервы.

Он вновь удалился.

«Рыбная вилка кладется слева от вилок для мяса и салатов, – зудел наушник. – Отличить ее можно по заостренным скошенным зубцам».

Серафима выдала мне сорочку для примерки. На локте у нее висело мокрое белое платье с волочащимися по полу длинными рукавами. Перед глазами сразу же встала речная нимфа, выжимающая эти рукава на ковер... Воплощение красоты. Интересно, пользуются ли нимфы

рыбными вилками? Нравятся ли им усатые мужчины? Есть ли усы у Гиласа на уотерхаусовской картине? «Гилас и...» – как же они все-таки называются? На букву «Н»...

Дальше опять пробелы. Помню только, что Финч добыл еще какой-то багаж – закрытую корзину для пикника, а серафима засовывала что-то в карман моего жилета, а потом Финч тряс меня за плечо и спрашивал, где мистер Дануорти.

– Не здесь, – ответил я и не угадал. Дануорти стоял аккуратно рядом с корзиной и выяснял, что удалось разузнать Финчу.

– Какой был сдвиг на той переброске?

– Девять минут, – ответил Финч.

– Девять? – нахмурился Дануорти. – А на остальных?

– По минимуму. От двух минут до получаса. Точка переброски в уединенном углу сада, вероятность попасться кому-то на глаза минимальная.

– Одного раза хватило, – возразил Дануорти мрачно. – А что с обратными перебросками?

– Обратными? На возвратах не бывает сдвигов.

– Я в курсе. Но ситуация нестандартная.

– Да, сэр. – Финч отошел посоветоваться с Уордер. – Нет, на возвратах сдвигов нет.

Лицо мистера Дануорти прояснилось.

– А что с Хассельмайером?

– Оставил для него сообщение.

В распахнувшуюся дверь ворвался Ти-Джей Льюис с какими-то листками в руках.

– Я посмотрел имеющиеся исследования. Не густо. Анализ диссонансов – страшно дорогое дело, Управление как раз планировало закупить оборудование на средства за восстановление собора. В общем, темпоральщики почти единодушно заявляют, что такие диссонансы невозможны. Не согласен только Фудзисаки.

– У Фудзисаки другая теория?

– Целых две. Версия первая: это никакие не диссонансы, коль скоро существуют несущественные для континуума предметы и явления.

– Как это? В хаотической системе одно всегда тянет за собой другое.

– Да, но учитывая нелинейность системы, – ответил Ти-Джей, сверившись с записями, – «обратные и упреждающие петли, припуски, возможность вмешательства», последствия от одних событий и действий умножаются до бесконечности, а от других – просто сглаживаются.

– Получается, парахронический диссонанс – это пропажа без последствий?

– Именно, – расплылся в улыбке Ти-Джей. – Как воздух, который историки уносят в легких, или, – он глянул на меня, – копоть. Их исчезновение никак не отражается на системе.

– То есть объект, не требуется возвращать в его исконное время... – уточнил мистер Дануорти.

– Его, по всей вероятности, и не удастся вернуть. Континуум не пустит. Разве что в возвращенном виде этот объект тоже погоды не сделает. К сожалению, копотью и воздухом список таких объектов, наверное, и ограничивается. Все, что крупнее, безнаказанно изъять не получится.

«Даже перочистки», – подумал я, прислоняясь затылком к стене. Было дело, на Осеннем хоровом фестивале со сбором вторсырья я купил оранжевую перочистку в виде тыквы и забыл о ней напрочь, а потом, когда собрался назад, сеть не открылась. «Интересно, а брошку она как пропустила?» – шевельнулась сонная мысль.

– А если объект – живое существо? – поинтересовался мистер Дануорти.

– Разве только безвредные бактерии, все остальное вряд ли. Воздействие живых организмов на континуум на несколько порядков выше, чем неодушевленных предметов, а у разумных форм жизни, соответственно, еще выше, ввиду многогранности их взаимодействия. Ну и, разумеется, ничего такого, что может изменить настоящее или будущее – никаких вирусов или микробов.

– С этим ясно, – оборвал его мистер Дануорти. – Давайте вторую теорию.

– Вторая теория Фудзисаки состоит в том, что диссонансы возможны, однако у континуума имеется встроенный страховочный механизм.

– Сдвиги, – кивнул мистер Дануорти.

– Да. Сдвиг предотвращает практически любой возможный диссонанс, перемещая путешественника во времени подальше от опасного места. Однако, по теории Фудзисаки, величина сдвигов ограничена, и когда ее оказывается недостаточно, чтобы предотвратить парахронизм, возникает диссонанс.

– И как он выражается?

– Теоретически, он меняет ход истории вплоть до уничтожения вселенной в случае совсем уж кардинальных перемен, но в современной сети на этот счет предусмотрена защита. Узнав о такой опасности, сеть настроили закрываться автоматически, как только сдвиги начнут достигать критических величин. Фудзисаки же утверждает, что в случае возникновения диссонанса (хотя это в принципе невозможно) включатся другие защитные механизмы, исправляющие сбой. Проявляются они, – Ти-Джей заскользил взглядом по своим заметкам, – «как резкий рост сдвигов вокруг диссонансного очага и увеличение числа случайных совпадений...»

– В Ковентри никаких совпадений не отмечалось? – повернулся ко мне мистер Дануорти.

– Нет.

– На барахолках тоже?

Я покачал головой. А ведь как было бы здорово совершенно случайно наткнуться на епископский пенек где-нибудь между кокосовым тиром и розыгрышем сливового пирога...

– Еще признаки имеются? – спросил мистер Дануорти у Ти-Джея.

– Рост сдвигов в периферийных темпоральных областях.

– Размеры периферийных областей?

Ти-Джей задумчиво пожевал губу.

– Фудзисаки считает, что для исправления диссонанса хватает пятидесяти лет, но это ведь все в теории...

– Еще признаки?

– В самых серьезных случаях – неполадки в работе сети.

– Какого рода?

– Сеть не откроется, – нахмурился Ти-Джей. – Либо возникнет раскоординация с пунктом назначения. Хотя, по мнению Фудзисаки, это статистически маловероятно, и континуум обладает большим запасом прочности, иначе давно бы уже распался.

– А если диссонанс точно случился, но резкого скачка в сдвигах нет? – допытывался Дануорти. – Значит ли это, что диссонанс сгладился, не успев отразиться на континууме?

– Выходит, что так, – кивнул Ти-Джей. – Иначе без крупных сдвигов бы не обошлось.

– Отлично. Спасибо за службу, мичман Клепперман! – Мистер Дануорти подошел к серафиме, которая сердито барабанила по клавишам пульта. – Цербер, мне нужен список всех перебросок в 1880-е – 90-е с указанием величины сдвига и нормативных параметров.

– Я Уордер, – поправила его серафима. – И я сейчас не могу. У меня стыковка.

– Стыковка подождет. – Он вернулся к Ти-Джею. – Льюис, а вас я попрошу отследить все нетипичные взбрыки.

По крайней мере, так я расслышал. В ушах у меня снова завывала сирена, к которой примешивалось размеренное бабаханье зениток.

– И перегрызки.

– Да, сэр, – пообещал Ти-Джей и вышел.

– Финч, где каска? – спросил мистер Дануорти.

– Все здесь, у него, – ответил Финч, хотя никакой каски на мне не было, только белые фланелевые брюки и жилет. Тем более, каска – это для Второй мировой, викторианцам полагались другие головные уборы. Шляпы, цилиндры и еще такие жесткие круглые, как они назывались? На букву «Н».

Надо мной склонилась серафима (выходит, я снова уселся) и подняла примерять пиджаки.

– Руку сюда! – скомандовала она, втискивая меня в коричнево-полосатый. – Другую, правую.

– Рукава коротковаты, – отметил я, глядя на торчащие запястья.

– Как вас зовут?

– Что? – Я попытался сообразить, какая связь между моим именем и короткими рукавами.

– Имя-фамилия! – рявкнула она, сдергивая коричнево-полосатый и напяливая на меня красный.

– Нед Генри. – В красном руки утонули до кончиков пальцев.

– Хорошо, – одобрила серафима, вытряхивая меня из красного и вручая белый с синим. – Не придется изобретать для вас подходящее эпохе имя. – Она одернула рукава. – Пойдет. Постарайтесь обойтись без купания в Темзе, мне некогда искать еще костюмы. – Она нахлобучила мне на голову соломенное канотье.

– Да, шляпа имеется, мистер Дануорти, вы были правы, – сказал я, но профессора рядом не оказалось. Финча тоже, а серафима уже выбивала пулеметную дробь на пульте.

– Бадри, паразит, все не возвращается! Оставил меня тут одну, хоть разорвись. Координаты задай, костюмы разыщи, историк уже битый час ждет в сети, пока я его перекину обратно... Так что с вашей срочной переброской вполне можно и повременить, поскольку незамужних девиц повсюду сопровождали компаньонки – как правило, кухни или тетушки – старые девы, и до самой помолвки им не позволялось оставаться с мужчиной наедине... Нед, сосредоточьтесь!

– Я слушаю, – встрепнулся я. – Незамужних девиц повсюду сопровождали компаньонки.

– А ведь я с самого начала говорил, что затея сомнительна, – вставил невесть откуда взявшийся рядом Финч.

– Больше отправить некого, – вздохнул мистер Дануорти. – Нед, слушайте внимательно. Вот что вам нужно сделать: вы попадете в седьмое июня 1888 года, в десять часов утра. Река будет слева от десертной вилки, которая используется для пирожных и сладкого. Для десертов типа Мачингс-Энд пригодится также десертный нож и...

Нож. Нужды. Наяды! Вот как они назывались! Гилас и наяды. Он пошел к воде набрать кувшин, и они утянули его за собой на дно, в самую глубину, обвиняя струящимися волосами и рукавами.

– Главное – верните, а дальше занимайтесь чем душе угодно. Две недели в полном вашем распоряжении. Можете кататься по реке, можете справа от десертной тарелки, лезвием вверх. – Мистер Дануорти хлопнул меня по плечу. – Поняли?

– Что? – переспросил я, но он уже не слушал. Он смотрел на сеть. Оттуда донесся громкий гул, заглушающий даже зенитки, и занавеси начали опускаться.

– Это что такое? – возмущенно обернулся он к серафиме.

– Стыковка, – ответила она, барабанила по клавишам. – Не могла же я оставить его болтаться там до завтра. Вытащу и сразу вас переброшу.

– Хорошо, – кивнул мистер Дануорти и снова хлопнул меня по плечу. – Я на вас рассчитываю, Нед, – донеслось до меня сквозь гул.

Кисейные занавеси опустились до пола и легли мягкими складками. Гул становился все пронзительнее, пока не слился с сиреной, сгустившийся воздух замерцал, и в сети возник Каррадерс, который тут же запутался в складках, пытаюсь выбраться.

– Стойте смирно, подождите, пока поднимется полог, – велела серафима, щелкая кнопками. Занавеси приподнялись до колена и замерли.

– Куда еще-то ждать? – выныривая из-под них, рывкнул Каррадерс. – Я два часа там проторчал! Где вас черти носили?

Выпутавшись, он, прихрамывая, двинулся к пульту. Весь в грязи, одного сапога не хватает, на псевдоформенной штанине зияет дыра и болтается полуоторванный лоскут.

– Какого дьявола вы не забрали меня сразу же после установления привязки? Знали ведь, где я очутился!

– Меня отвлекли, – заявила серафима, сердито косясь на мистера Дануорти и воинственно скреживая руки на груди. – Где ваш сапог?

– В зубах этой бешеной псины! Повезло еще, что ногу не оттяпала.

– Это был подлинный вэпээсный веллингтон, – вздохнула серафима. – А с формой вы что сотворили?

– С формой? Да ничего особенного, просто битых два часа спасал свою шкуру. Меня выкинуло все на то же треклятое кабачковое поле. Только на этот раз, видимо, позже, чем в предыдущий, потому что фермерша меня там уже поджидала. С собаками. Целую свору собрала – в рамках помощи фронту. По всему Уорвикширу небось клянчила... А ты что здесь делаешь? – Каррадерс вытаращил глаза, увидев меня, и похромал навстречу. – Ты же должен быть в лечебнице.

– Я отправляюсь в 1888-й.

– Просил ведь сестру не говорить леди Шрапнелл, что ты снова тут, – с досадой буркнул он. – Зачем она шлет тебя в девятнадцатый? Это насчет той пра-прабабки?

– Пра-пра-пра-пра, – уточнил я. – Нет, она ни при чем. Врач прописал две недели строгого постельного режима, вот мистер Дануорти и устроил мне отдых.

– Не получится, – покачал головой Каррадерс. – Ты должен вернуться в Ковентри искать епископский пенек.

– Я этим и занимался, ты сам меня оттуда выпихнул. Припоминаешь?

– А что было делать? Ты нес феерический бред – про благородного пса, лучшего друга человека на поле брани и у домашнего очага. На вот, полюбуйся, что сделал твой лучший друг! – Он

помахал полуоторванным лоскутом комбинезона. – На поле брани! Этот благороднейший соратник чуть инвалидом меня не оставил. Когда тебя ждать обратно?

– Сестра сказала, две недели никаких перебросок. Зачем было сдавать меня в лечебницу, если я нужен в Ковентри?

– Я думал, они обойдутся уколом или таблеткой. Кто знал, что тебе запретят переброски... Как же ты теперь будешь искать епископский пенек?

– А ты его не нашел после моего отбытия?

– Я даже до собора не добрался. Весь день бьюсь, дальше кабачковых полей не пускает.

Треклятые сдвиги...

– Сдвиги? – вскинулся мистер Дануорти. – Увеличилась величина сдвигов?

– Я ведь вам говорил, – напомнил я. – Кабачковое поле.

– Какое-какое?

– На полдороге к Бирмингему. С собаками.

– Я не могу попасть к Ковентрийскому собору в пятнадцатое число, сэр, – объяснил Каррадерс. – Только за сегодня из четырех попыток самая близкая – восьмое декабря. Нед пока подобрался ближе всех, поэтому я и хочу, чтобы он вернулся и еще раз покопался на развалинах в поисках епископского пенька.

Мистер Дануорти в недоумении наморщил лоб.

– А не проще ли искать пенек еще до налета, четырнадцатого числа?

– Вот этим мы две недели и занимаемся, – ответил Каррадерс. – Леди Шрапнелл велела выяснить, находился ли он в соборе во время бомбежки, поэтому изначально переброска предполагалась в без четверти восемь, как раз к началу налета. Но мы постоянно промахиваемся. Либо день не тот, либо время тютелька в тютельку, но в шестидесяти милях от нужного места, посреди кабачкового поля. – Он кивнул на свою заляпанную грязью форму.

– Мы? – нахмурился Дануорти. – И сколько вас таких уже промахивалось?

– Шестеро. Нет, семеро, – посчитал Каррадерс. – Все, кто не был занят на других заданиях.

– Насколько я знаю, посылали всех по очереди, – вставил я. – Поэтому меня и сорвали с барахолки.

– А с ними что?

– Да ничего особенного, это такая церковная ярмарка, где продают всякое ненужное барахло – в основном купленное на прошлом благотворительном базаре, и еще разное рукоделие. Чайные коробочки, вышитые игольницы, перочистки...

– Что такое благотворительный базар, я знаю, – прервал меня мистер Дануорти. – Я спрашиваю, были ли сдвиги на этих заданиях.

– Не больше обычного, – покачал головой я. – Разве что пространственные, не дающие заметить меня в момент появления – обычно меня выбрасывало где-нибудь за домом священника или чайным шатром.

Дануорти резко повернулся к Каррадерсу.

– А на сколько сдвигались коventрийские переброски? Когда все-таки удавалось переместиться именно в Ковентри.

– По-разному. Паульсон вот попал в двадцать восьмое ноября. – Каррадерс помолчал, подсчитывая. – В среднем получается около суток. Самое близкое, куда удалось прорваться, – пятнадцатое днем, а теперь я даже туда не могу попасть. Поэтому мне нужен Нед. Новенький еще там, и вряд ли он знает, как возвращаться. Мало ли каких дров без присмотра наломает.

– Да уж... – пробормотал мистер Дануорти. – Скажите, увеличение сдвигов отмечается на всех перебросках или только на коventрийских? – спросил он у серафимы.

– Понятия не имею. Я костюмер. Я всего лишь замещаю Бадри. Это он оператор сети.

– Бадри, точно! – воодушевился мистер Дануорти. – Замечательно! Где Бадри?

– С леди Шрапнелл, сэр, – ответил Финч. – И боюсь, они оба скоро будут тут.

Мистер Дануорти словно не слышал.

– За то время, что вы его замещаете, – продолжал он расспрашивать Уордер, – проводились ли переброски куда-то еще, кроме окрестностей собора четырнадцатого ноября 1940 года?

– Да, одна. В Лондон.

– И какой там вышел сдвиг?

Серафима, судя по выражению лица, хотела отрезать: «Мне некогда!» – но передумала и замолотила по клавишам.

– Пространственный – нулевой. Временной – восемь минут.

– Значит, дело в Ковентри, – задумчиво проговорил мистер Дануорти себе под нос. – Восемь минут вперед или назад?

– Назад.

Он повернулся к Каррадерсу.

– Вы пробовали перемещаться в Ковентри пораньше и дожидаться бомбежки уже там?

– Да, сэр. Всех перекидывало на более позднее время.

Мистер Дануорти снял очки, пристально изучил их и нацепил обратно.

– Сдвиги получаются разными или последовательно увеличиваются?

– Увеличиваются.

– Финч, пойдите узнайте у Киндл, заметила ли она какие-нибудь загадочные совпадения или странности в Мачингс-Энде. Нед, оставайтесь пока здесь. Мне нужно поговорить с Льюисом.

Мистер Дануорти вышел.

– Что все это значит? – Каррадерс озадаченно посмотрел ему вслед.

– Брошка леди Уиндермир, – пояснил я, садясь.

– Вставайте! – велела серафима. – Переброска готова. Занимайте позицию.

– Может быть, дожидаться мистера Дануорти? – засомневался я.

– У меня девятнадцать перебросок на очереди, плюс еще одна срочная для мистера Дануорти, а еще...

– Хорошо-хорошо.

Я подхватил ранец, портплед, саквояж, корзину и двинулся к сети. Занавеси по-прежнему свисали почти до самого пола. Пришлось поставить часть поклажи на пол, приподнять вуаль, поднырнуть, а потом втащить багаж.

«Викторианская эпоха отличалась стремительным развитием науки и техники, – заявил наушник. – Телеграф, газовое освещение, дарвиновская теория происхождения видов радикально меняли образ жизни и сознание людей».

– Возьмите багаж и встаньте на отметку, – скомандовала серафима.

«Изменилось, в частности, отношение к путешествиям и поездкам. Изобретение паровоза и появление в 1863 году первой подземной железной дороги подарило викторианцам возможность путешествовать с невиданными прежде скоростями и на невиданные расстояния».

– Готовы? – Серафима занесла руку над пультом.

– Кажется. – Я оглянулся, проверяя, все ли втащил в сеть, и обнаружил торчащий наружу угол корзинки. – Минуточку! – Я подтянул ее к себе носком ботинка.

– Ну что, готовы?

«Доступность путешествий расширила горизонты сознания викторианцев и начала стирать классовые границы, которые...»

Серафима, рывком раздвинув занавеси, сдернула с меня наушник и вернулась за пульт.

– Готовы наконец?

– Да.

Она забарабанила по клавишам.

– Стойте! Я не знаю, куда мне.

– Седьмое июня 1888 года, – отчеканила она под drobный перестук.

– Я имею в виду, куда мне там идти, – пояснил я, перебирая складки занавесей в поисках щели. – Я не совсем расслышал мистера Дануорти. Из-за перебросочной болезни. Тугоухость.

– Тугодумие! – буркнула она. – Мне некогда!

Она выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

– Где мистер Дануорти? – донесся ее голос из коридора. Вопрос, видимо, адресовался Финчу.

Вроде бы мистер Дануорти говорил про Мачингс-Энд и про лодку – или это было в наушнике? «Пустьяковое дело, даже ребенок справится», – так, вроде бы, он сказал.

– Где он? – повторила в коридоре серафима неожиданно похожим на леди Шрапнелл голосом.

– Где кто? – уточнил Финч.

– А то вы не знаете! – загремело за стеной. – И не говорите, что он в больнице. Я уже достаточно наигралась сегодня в кошки-мышки. Он здесь, так?

Мамочки.

– Отойдите от двери, пропустите меня! – бушевала леди Шрапнелл.

Выронив багаж, я лихорадочно озирался в поисках укрытия.

– Нет, его там нет, – храбро отпирался Финч. – Он в Рэдклиффе.

Прятаться было негде, по крайней мере, в этом столетии. Поднырнув под занавеси, я метнулся к пульту, молясь про себя, чтобы серафима успела ввести все настройки.

– А я говорю, в сторону! Бадри, велите ему отойти. Мистер Генри там, и я требую, чтобы он принимался искать мой епископский пенек, а не отлынивал, симулируя какие-то там перебросочные болезни.

– Он не симулирует, – вступился Финч. – У него острейший приступ. Двоение в глазах, трудности со слухом, нарушение логических связей...

На экране светилась надпись: «Готово. Нажмите “отправить”». Я прикинул расстояние до сети.

– Он слишком слаб для перебросок, – заявил Финч.

– Глупости! – отрезала леди Шрапнелл. – Немедленно отойдите от двери и пропустите меня.

Глубоко вдохнув, я нажал «отправить» и рыбкой нырнул в сеть.

– Поверьте мне! – в отчаянии увещевал Финч. – Его там нет. Он в Крайст-Черче.

– С дороги! – скомандовала леди Шрапнелл. В коридоре началась возня.

Я приземлился подбородком прямо на метку. Опускающиеся занавеси накрыли торчащий наружу ботинок, и я поджал ногу.

– Мистер Генри, я знаю, что вы там! – протрубила леди Шрапнелл, и дверь распахнулась.

– А ведь я говорил, – раздался голос Финча. – Его там нет.

Меня тут же не стало.